

КИРА КОЭН

НЕПРИГОДНЫЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кира Коэн

Непригодные

<https://litres.ru/73393609>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кристина – ходячее проклятие, главная злодейка в собственной истории. Она рушит всё, к чему прикасается: дружбу, отношения, себя саму. Её мир – это сепия, за окном всегда пасмурно, а внутри – пустота, которая пожирает любую радость.

Она не питает иллюзий и давно решила держать других на расстоянии, ни к чему не привязываться. Но возводимые годами стены неожиданно дают трещину, когда цепь дурацких совпадений сводит её с тем, кто тоже не верит в «долго и счастливо» и совершенно не собирався впускать кого-то в свою жизнь.

Содержание

Плейлист	5
Глава 1. Удушье	7
Глава 2. Теория вероятностей	12
Глава 3. Злая ведьма запада	25
Глава 4. Офелия	40
Глава 5. Рождённый ползать	55
Глава 6. Шаги навстречу	74
Глава 7. Крещендо	91
Глава 8. Трещины	107
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Кира Коэн

Непригодные

Все персонажи и события вымышлены.

Любые совпадения с реальностью... забавны.

Плейлист

Hanging Around – The Cardigans

I'll Come Crashing – A Giant Dog

Afraid – David Bowie

Where Did You Sleep Last Night – Nirvana

Heart In A Cage – The Strokes

Tear You Apart – She Wants Revenge

Sink To The Bottom – Fountains of Wayne

The Man Who Sold The World – Nirvana

Reptilia – The Strokes

Shithouse – Big Special

Crockpot – Slothrust

The Sharpest Lives – My Chemical Romance

Happy Together – Slothrust

Water – Bishop Briggs

Boys Don't Cry – The Cure

Глава 1. Удушье

Плотные, густые клубы пара устремлялись к потолку. Шум горячей воды в медленно заполняющейся ванне убаюкивал, как колыбельная, как гулкое сердцебиение матери, что дарит покой находящемуся в утробе плоду. Я вслушивалась в него, стараясь абстрагироваться от всего остального, от всего, находившегося там, снаружи, и моё внимание было полностью сосредоточено на маленьких квадратах мозаичной плитки на стене. Сто двадцать семь. Это максимум, до которого мне пока удавалось досчитать, не сбиваясь.

– Кристина! Какого чёрта ты устроила?! Да что с тобой происходит?! Выходи уже, давай поговорим! – раздался голос за стеной, и в дверь снова застучали. Придётся начинать заново. Уже в четвёртый раз.

Я вздохнула, сделала затяжку и поморщилась. Пробовали когда-нибудь курить, лёжа в ванне? Омерзительное ощущение. Дым становится влажным, едким, ещё более горьким и каким-то особенно токсичным, если так вообще можно сказать. А когда ты выпускаешь его и пытаешься просто вдохнуть воздух, то и он становится слишком тяжёлым, чтобы нормально дышать. Впрочем, в тот момент удушье меня не сильно беспокоило.

Наверное, я это заслужила.

Вода продолжала прибывать. Я потянулась, чуть повер-

нула ручку крана и сделала горячее. Чёрная капля с остатками туши и подводки для глаз скатилась по щеке и упала, расплылась полупрозрачным чернильным пятном и наконец растворилась без следа. Пара становилось так много, что казалось, будто он начинал вытеснять весь оставшийся кислород из лёгких. В дверь вновь настойчиво забарабанили.

Восхитительное упрямство.

Бросив тлеющую сигарету на пол, я попыталась набрать полную грудь этого тяжёлого воздуха и опустила под воду с головой.

Всё затихло. Только мерный глухой гул заполнил собой пустоту и принёс пьянящее ощущение лёгкости. Тело погрузилось на дно, но я сама взмыла в невесомость.

Я никогда не хотела умереть, но в тот момент в голове поселилась навязчивая мысль: а стоит ли всплывать? Как долго я смогу пролежать так? Возможно ли вообще пойти против базовых рефлексов и заставить себя оставаться под водой, несмотря ни на что?

На самом деле, если бы мне предложили выбрать свою смерть, вода точно оказалась бы очень далеко в моём списке. Мне нравилось лежать на дне ванны и смотреть на свет сквозь прозрачную рябь, но идея того, чтобы заполнить водой лёгкие, по-настоящему пугала.

Однажды, когда мне было девять, а на улице стояла какая-то аномальная жара, я решила купаться столько, сколько получится, пока кто-нибудь меня не хватится. То был

тот редкий момент, когда вся семья вдруг решила выбраться на отдых вместе. Кажется, это был загородный дом кого-то из отцовских друзей или типа того... Неважно. Каждый всё равно был занят своим делом, так что моё отсутствие никого особо не смутило.

Я самозабвенно ныряла в озеро снова и снова, и вода, поначалу холодная, очень быстро стала ощущаться настоящим раем на земле. Я абсолютно твёрдо решила, что ни за что не вылезу на берег хотя бы до заката. А потом мне захотелось сделать кувырок под водой. Не знаю, что тогда пошло не так, но почему-то у меня не получилось остановиться. Во всяком случае, мне так казалось, потому что всё вокруг продолжало и продолжало кружиться, и у меня больше никак не получалось разобрать: в какой стороне поверхность, а где покрытый илом песок. Всё просто смешалось в кучу, в одну бесконечную мутную спираль, что продолжала закручивать, утягивая в непроглядную темноту.

Я не помню лица человека, который вытащил меня на пирс, не помню, как приходила в себя и как возвращалась домой. Воспоминания имеют свойство удивительным образом искажаться, размываться, как рисунки на песке, и стираться полностью с годами. Но я помню обжигающее чувство в груди, словно лёгкие рвёт когтями, помню гадкий вкус озёрной воды и запах гнилых водорослей, застрявший в горле. И ещё помню, что в тот момент, когда наконец оказалась дома, меня отчитали за неподобающий вид и за то, что я уже безбож-

но опаздывала к ужину. Я не стала рассказывать о случившемся, мне не хотелось слушать утомительную и крайне чопорную лекцию об ответственном и приличном поведении юной леди.

Сейчас ничто не давило, не уносило течением и не тянуло вниз. Не то чтобы я действительно проверяла, но, ожидаемо, инстинкты победили. Как только тяжесть в груди стала слишком ощутимой, изо рта вырвались крупные пузыри – и я вынырнула, делая долгожданный шумный вдох.

Занятный факт: тот случай на озере не был последним разом, когда конец маячил пугающе близко. Годами позже была ещё автомобильная авария, в которой лишь чудом никто серьёзно не пострадал, а я отделалась лёгким сотрясением и дурацкой шишкой на лбу, напоминающей рог единорога.

Иногда я задумывалась об этом. Люди, столкнувшись со смертью, часто говорят о том, как мир для них перевернулся, как они резко переосмыслили свою жизнь и начали ценить каждое мгновение... Со мной подобного не произошло. Наоборот, всё вокруг будто бы обесценилось, ещё больше потеряло всякий смысл.

Но суть не в этом. Суть в том, что в этот раз я и правда верила, что всё может быть по-другому. Но как же так вышло, что мне снова кажется, будто я опускаюсь на дно того озера? Ванна не глубока, сигаретный дым уже рассеялся и улетел в вентиляционный люк, но почему тогда я чувствую удушье?

Отчаяние не возникает на ровном месте. Разочароваться

можно только при условии, что до этого была надежда. Надежда, которую, как мне казалось, я глубоко закопала уже очень давно. Видимо, не так глубоко, как следовало.

Думаю, всё началось с одной случайной, купленной без особой причины бутылки вермута...

Глава 2. Теория вероятностей

Порой, когда никак не удаётся сделать выбор, мы полагаемся на волю случая. Если дело серьёзное, а решения нет, то это отличный способ перекинуть ответственность на судьбу, частично снять с себя вину за последствия. И в этом нет ничего такого, как по мне. Поиск лёгких путей – норма в человеческой природе. Но насколько важные решения можно доверить случаю? Можно ли возложить на него свою жизнь?

Я испытывала странный восторг, стоя в тот день на мосту. Восторг адреналинового наркомана, прыгающего с парашютом из стратосферы, восторг азартного игрока, идущего ва-банк.

Солнце клонилось к закату, а ветер возле воды всегда ощущался прохладнее, но сердце колотилось так быстро, что мне было жарко.

Я никогда не хотела умереть, но тогда, глядя вниз на тёмную рябь реки, я невольно задалась вопросом: а что случится, если сорваться? Что произойдёт с большей вероятностью? Говорят, при полёте с определённой высоты вода по своим свойствам становится похожей на бетон, но в физике я была несильна и точных цифр не могла вспомнить. С этой части моста было довольно высоко... Сломаю ли я ноги, если нырну прямо отсюда? Или же просто уйду под воду так глубоко, что объёма лёгких не хватит и воздух закончится рань-

ше, чем удастся всплыть на поверхность? Что ж, был только один способ проверить.

Я огляделась. Сейчас людей стали оберегать повсюду: в сети и в медиа всё больше стараются беречь наши тонкие душевные организации, в инструкциях ко всему подряд появляются совершенно безумные предупреждения в духе «не сушите ваших кошек в микроволновой печи», ну а на мостах строят ограждения. Впрочем, перебраться через них пусть и сложно, но не невозможно. Тем более если твоё любопытство сильнее воли к жизни.

Пальцы нащупали монету на дне сумки. Достав двадцать пять центов, я повертела их в руках.

– Орёл – пойду домой, решка – торжество эмпирического метода.

Я говорила вслух, словно пыталась убедить саму себя в чём-то, но дело было вовсе не в том, что я хотела прыгнуть или, наоборот, боялась сделать это. Нет, мне и правда было до дрожи интересно, как случай распорядится моей судьбой.

Клянусь, в тот момент, когда монета взмыла над головой, мне показалось, что она закружилась в замедленной съёмке. Как замороженная, я следила за её полётом. Наконец она полетела вниз, и я вытянула ладонь, чтобы поймать такой маленький, но такой важный сейчас четвертак, и... не смогла дотянуться. То ли виной тому ветер, то ли мои кривые руки, не рассчитавшие траекторию полёта, то ли судьба просто насмехалась надо мной, но монета лишь едва коснулась кон-

чиков пальцев и пропала в чернеющей глади холодной воды. У меня не было шанса услышать даже слабого всплеска, но я всё равно продолжала смотреть туда, где она исчезла.

– Гадство...

Оставалось только развернуться и пойти домой. Дома было тепло и тихо. Так тихо, что слышны шаги соседей с верхнего этажа и нескончаемый лай того мелкого, переполненного яростью недоразумения, которое они называли собакой. Странное дело, но я ни разу не слышала их голосов. Слышала их будильник каждое утро, топот ног, слышала всякий раз, как они что-то роняли, и, конечно, слышала эту тупую собачонку. Но не голоса. Мне нравилось думать, что они просто никогда не разговаривают друг с другом.

На всякий случай я решила проверить, не завалялась ли на дне сумки ещё мелочь, но вместо этого обнаружила лишь пустую пачку сигарет.

«Видимо, в другой раз», – подумала я и сменила курс к ближайшему продуктовому.

Сдирая на ходу плёнку с новой пачки, я уже предвкушала жутко увлекательный вечер в компании вчерашней холодной пиццы и своих «немых» соседей, когда неожиданно кто-то окликнул меня.

– Кристина?

Я обернулась и ненадолго застыла. Какова вероятность в большом городе случайно встретить того, с кем тебя уже очень давно ничто не связывает? Один к миллиону? Вось-

ми миллионам? В любом случае до этого дня мы не пересекались ни разу с момента нашей последней встречи. Он ухмыльнулся.

– Сменила причёску? Я даже не узнал тебя сразу. Выглядишь как утопленница.

В этом был весь Рави. Каждая его шутка при ближайшем рассмотрении больше походила на завуалированное (или не очень) оскорбление. В самом начале, когда мы только познакомились, он казался мне ужасно весёлым и остроумным, но стоило сблизиться, и я начала чувствовать себя рядом с ним так, словно оказалась приглашённым гостем на одном из этих вечерних шоу, где ведущий высмеивает кого-то на протяжении часа.

Однако в этот конкретный момент иронию я оценила.

Понятия не имею, почему начала улыбаться, но натянутая маска дружелюбия на моём лице наверняка попадала в эффект зловещей долины.

– Привет! Надо же! Рада тебя видеть.

Враньё. Радости во мне было не больше, чем утром понедельника. Мы с Рави встречались недолго, и, честно говоря, было бы лучше, если бы не начинали вовсе. Я познакомилась с ним лет пять назад, когда пара знакомых почти силой притащили меня на концерт, где выступали несколько начинающих групп. Рави был гитаристом в одной из них, чего так с ходу и не скажешь по его слишком цивилизованному виду.

Я заметила его сразу, но в тот день настроение было

фантастически паршивое, поэтому моим максимумом было неподвижно стоять возле сцены с мрачным лицом жуткого маньяка. Когда мы позже столкнулись в зале, он смеялся, говоря, что сильно удивился и на секунду даже всерьёз заволновался за свою жизнь.

Всё закрутилось как-то само собой. Рави был обходительным, красиво ухаживал и просто шикарно целовался. С ним было легко, он был душой компании и без труда веселил людей вокруг. Он быстро располагал к себе и умел привлечь внимание. Наверное, стоило хорошенько об этом задуматься, ведь спустя месяц я узнала, что у него было ещё две девушки. И, честное слово, я бы отнеслась к этому равнодушно, если бы мы прояснили всё с самого начала, но он дал мне почувствовать себя особенной, а потом только развёл руками и с видом, будто не произошло ничего такого, сказал: «Ну, ты же не спрашивала».

Однако в огромном списке моих самых ублюдских расставаний Рави плёлся где-то далеко в хвосте. Наверное, поэтому, повстречав его снова, я не хотела тут же развернуться и бежать без оглядки. Лишь немного растерялась, а после зачем-то спросила:

– Какими судьбами?

Я закурила, а он начал рассказывать про свои будни, про новый коллектив, про репетиции и про то, что собирался пересечься с другом, чтобы забрать у него какую-то примочку для гитары. Слушала я не особо внимательно. Во-первых,

потому что спросила исключительно из вежливости, а во-вторых, потому что моё внимание зацепили афиши на стене за его спиной.

С одного из постеров на меня смотрела моя младшая сестра. Разумеется, идеальная, как и всегда, вылизанная командой стилистов и ретушёров, смотрящая на мир свысока и улыбающаяся так, словно делает тебе огромное одолжение. Через две недели должен был случиться её большой дебют в качестве первой скрипки. Он ещё даже не состоялся, а она уже получила титул восходящей звезды. Стоило отдать ей должное – родители никогда не воспринимали слово «музыкант» всерьёз, так что ей пришлось хорошенько постараться, чтобы убедить их в престиже будущей профессии и в своём неминуемом успехе. И, конечно же, Тори не подвела.

Тори никогда их не подводила...

– Так что? Может, хочешь присоединиться? Зависнем, как в старые добрые.

Рави хитро улыбался, а я полностью прослушала всё, о чём он вещал. Кажется, он говорил что-то про клуб, в котором сейчас выступал его приятель... В сущности, мне было плевать. Ещё утром я придумала бы любую отмазку и отправилась бы домой, чтобы лежать в кровати до тех пор, пока не пролежу в ней дыру, но теперь мне хотелось, чтобы Рави сделал то, что получалось у него лучше всего – переключил

всё внимание на себя. Так что мне было всё равно, куда он меня звал.

– Да, конечно. Почему бы и нет.

Клуб «Хеликс» был мне знаком: заходила сюда несколько раз в студенчестве. Настоящий кошмар для клаустрофобов, гермофобов и людей, страдающих приступами эпилепсии. Его легко узнать по ярким психоделическим флуоресцентным рисункам на стенах и дрянному запаху заблёванного сортира. В зависимости от тематики дня, здесь часто выступали молодые, никому не известные рокеры, кавер-группы или средней паршивости диджеи. Это место пользовалось популярностью в определённых кругах. Оно славилось сомнительным контингентом, плохой акустикой, разбавленным пивом, дешёвой водкой подозрительного происхождения, от которой наутро все без исключения превращались в ходячих мертвецов, и термоядерной клюквенной настойкой, которая стоила всего доллар с восемью до девяти вечера; а в кабинках туалета лучше было вообще ни к чему не прикасаться, если не хочешь подцепить ЗППП или случайно обдолбаться, ведь трахались и нюхали дурь в них едва ли не чаще, чем опорожняли желудки из всех отверстий.

Наверное, я должна была чувствовать себя ужасно, нахо-

дьясь в подобной атмосфере, но я ощущала странную гармонию. Будто теперь хотя бы внешняя среда оправдывала то, что варилось и кипело внутри.

Мы выпили по два шота «клюковки» к моменту, когда друзья Рави закончили играть то, что называли музыкой, но большинство сравнило бы со звуками отбойных молотков и перфоратора, ещё по одному с членами группы, и, когда парни разошлись и мы снова оказались вдвоём, я не без удовлетворения отметила приятное покалывание в пальцах, как если бы долго сидела на ладонях, и они бы начали неметь. Мне наконец было тепло и страшно хотелось танцевать, хотелось разогнать кровь по телу ещё сильнее, чтобы продлить это ощущение, чтобы хоть ненадолго почувствовать себя немного более живой.

Лучшая шутка за весь вечер настигла меня на тесном танцполе. Когда мы с Рави выдохлись скакать вокруг и уже двинулись к бару, нас нагнали две незнакомые, но крайне общительные и любвеобильные девушки. Две подружки с претензией на гламур, но уже довольно помятого вида, выглядевшие, как дешёвые реплики кукол Барби с гаражной распродажи. Они были хорошо пьяны, а может, и ещё под чем, ведь иначе я не могу объяснить их восторг от всего на свете, льющийся через край, и непомерное желание со всеми обниматься. Да и тот факт, что они находили милым буквально всё, что попадалось на глаза в этом гадюшнике, говорил сам за себя. Вот только то, что милого они увидели в нас с Рави,

заставило меня неистово хохотать.

– Вы так классно смотрите вместе! Такая красивая пара! – в два голоса прокричали они, и меня просто сложило пополам от смеха. Даже не до конца уверена почему. Впрочем, судя по лицам, их моя реакция удивила не меньше.

– Нет, нет, мы не встречаемся, – пояснил Рави, и я, всё ещё борясь с переходящим в истерику гоготом, согласно закивала.

– Да, вообще-то мы – бывшие.

Девушки уставились на нас с искренним удивлением и озадаченно переглянулись, однако смущение их долго не продлилось. В действительности никому не нужен был повод, чтобы выпить, так что мы вчетвером дружно обнялись, будто в самом деле были закадычными друзьями, и доскакали до барной стойки, чтобы взять ещё по шоту. А через несколько минут я вдруг почувствовала, что меня накрывает. И совсем не в хорошем смысле.

За всю жизнь подобное происходило со мной всего раза четыре, но каждый раз пугало, как в первый. Что ещё хуже – всё остальное время ты всегда находишься в напряжённом ожидании, что однажды это снова повторится.

Тяжесть в груди, холодный пот, бешено стучащее сердце... Как и почти всё плохое, что когда-либо случалось со мной, симптомы появлялись сначала постепенно, а потом внезапно. Я чувствовала жар, чувствовала, как что-то невидимое давит мне на горло и рёбра, и едва могла сделать вдох.

Попыталась закрыть глаза и мысленно сосчитать до десяти, но считать получалось только оглушительные удары сердца, а это совсем не помогало. На ватных ногах я побрела к выходу, чтобы выбраться на холодный воздух до того, как начну падать, потому что очертания предметов уже начинали плыть перед глазами.

Рави нашёл меня чуть позже, когда я уже почти оклема-лась, но всё ещё висела на стальных перилах при входе, стараясь дышать глубоко и ровно.

– Ты в норме? Тошнит?

– Нет, нет... порядок. Просто стало душно, – вновь солгала я, вымученно улыбаясь. – Слишком много народу для такого маленького пространства. Нужно было выйти на воздух.

Не знаю, поверил ли он мне, но Рави ничего не ответил. Он закурил, подошёл ближе и тоже небрежно откинулся на перила рядом.

– Можем продолжить в месте поспокойнее. Моя квартира тут рядом, помнишь? Хочешь зайти?

Мысль о том, чтобы вернуться в клуб или тащиться через половину города домой, заставила поёжиться. Я не могла сказать, что хотела этого, и не могла сказать, что не хотела. Правда в том, что я не чувствовала вообще ничего. И поэтому второй раз за день я сказала ему «да». К тому же напиться в квартире было куда эффективнее и в разы дешевле.

У нас ещё оставалось время, чтобы забежать в магазин за выпивкой. Весь день на языке ощущался привкус горечи,

и мне отчаянно хотелось забить его чем-то сладким, но от вина у меня всегда слишком сильно болела голова, поэтому взгляд первым делом зацепился за бутылку вермута. Я не раздумывала, просто схватила её, взяла ещё две пачки сигарет, и мы с Рави встретились уже на выходе. Когда у него в пакете я увидела бутылку «Егермейстера», то поняла, что облажалась: его выбор оказался намного лучше. Впрочем, при должном усердии, вполне можно было осилить всё сразу, хотя сам Рави моего оптимизма не разделял, заявив, что если мы прикончим обе после клубного пойла, то обязательно умрём.

Он был не так уж далёк от истины. Я быстро осознала это, когда в тепле его спальни, меня развезло уже после третьего шотапряного ликёра. Тело окутала приятная слабость, было лень пошевелить и пальцем, а Рави тихонько наигрывал какую-то незамысловатую мелодию, от которой становилось спокойно и почти умиротворённо.

К моменту, когда мы практически приговорили бутылку, он уже лениво валялся рядом, и мы оба просто бездумно тарращились в монитор, не придумав ничего лучше, чем включить полуторачасовую подборку видео с нелепыми падениями людей.

А потом он неожиданно спросил:

– Так... ты сейчас встречаешься с кем-то?

Мне было неохота даже губами шевелить, но, не отрывая взгляда от экрана, я всё же ответила:

– Нет. А что?

– Ничего. Просто подумал... что раз мы с тобой оба свободны, то я могу разок переспать со своей бывшей?

Прозвучало ни как вопрос, ни как утверждение. Я так и не повернула к нему головы, но буквально слышала эту глупую ухмылочку в его голосе. Я не знала, говорил ли Рави правду о том, что свободен, и вообще-то мне было всё равно. Это давно перестало быть моей проблемой. Тем более, что его рука уже лежала у меня на талии.

Я всё ещё не чувствовала ничего, кроме бегущего по veins тепла от алкоголя, поэтому решила, что в этот вечер Рави может заполнить собой пустоту. Вот только когда его губы скользили по моей шее, а руки блуждали по телу так, будто он изучал его впервые, я думала лишь о том, сколько ещё он собирается играть в чуткого героя-любовника. А когда мои ноги наконец оказались на его плечах, и пространство комнаты наполнило его тяжёлое дыхание, я буравила мутным взглядом раскачивающийся потолок и всё пыталась прикинуть, каким путём в четвёртом часу ночи добраться до дома будет быстрее.

Мне было так. Смертельно. Скучно.

Он уснул почти сразу, как мы закончили, а я ещё какое-то время стояла возле распахнутого окна последнего этажа и курила. Остаться здесь не входило в мои планы, но безжалостная гравитация в сговоре с пострадавшим от выпивки вестибулярным аппаратом заставляли волей-неволей пе-

редумать.

Из кровати я выползла к половине седьмого утра. Самостоятельно, без будильника, возможно, потому что сном то можно было назвать с большой натяжкой. Собрав одежду и сумку, я пнула Рави, чтобы сказать, что ухожу.

– Окей. Просто дёрни ручку вверх, когда закроешь дверь, – осипшим голосом нехотя отозвался он.

– Да помню я, помню.

– Эй, это тоже заberi.

Он вяло махнул рукой, указывая на стол, где стояла моя так и не открытая бутылка вермута.

– Да плевать, оставь себе.

– Я что, по-твоему, буду это пить? Забирай. Думаю, тебе она ещё пригодится.

Я пожала плечами и, особо не задумываясь над его словами, просто сунула бутылку в сумку и ушла. Тогда я ещё не догадывалась о том, что Рави, в каком-то смысле, окажется чертовски прав.

Глава 3. Злая ведьма запада

Мне удалось поспать целых три часа, прежде чем телефон начал разрываться от оповещений и трезвонить, а это означало только одно: придётся притвориться живым, нормально функционирующим человеческим существом и ехать в офис.

Я не испытывала ненависти к своей работе. У неё были свои неоспоримые преимущества, вроде ненормированного графика, достойной оплаты и отсутствия такой утомительной необходимости просиживать штаны в безликом кабинете каждый будний день с девяти до пяти. И бьюсь об заклад, что это место – заветная мечта тысяч наивных подростков, готовых визжать от восторга из-за одной лишь возможности приблизиться к тем, кто оказался среди так называемых «кумиров молодёжи». Впрочем, я так же ясно вижу, почему многим подобная деятельность показалась бы сущим кошмаром: кто-то скажет, что эта работа идеально подойдёт для патологических лжецов, кто-то сравнит меня с «адвокатом дьявола», а кто-то просто презирает интернет-знаменитостей, считая их бездарными выскочками, добившимися успеха на ровном месте, не прилагая никаких усилий, и где-то эти люди будут не так уж далеки от истины. Но, отправляясь в агентство, я не чувствовала никакого энтузиазма не потому, что презирала тех, с кем приходится иметь дело. При-

чина в том, что я не чувствовала этого энтузиазма вообще ни к чему. Что бы ни происходило, кого бы я ни встречала и чем бы ни занималась — вещи увлекали меня на очень непродолжительный срок. Так работал мой мозг. После коротких крутых подъёмов неизбежно наступал резкий спад, а когда кое-как удавалось выбраться из провала, оставалось только продолжать плыть по течению в надежде, что когда-нибудь появится нечто, что вновь дёрнет наверх и заставит кровь быстрее гонять по венам. Я заметила это довольно рано, так что у меня было достаточно времени, чтобы в некотором смысле сжиться с этим фактом, однако слабая, но назойливая мысль о том, что я попросту проклята, так или иначе преследовала по пятам.

Лифт остановился и распахнул свои двери, услужливо пропуская меня в холл четвёртого этажа. Большие панорамные окна и бесконечное многообразие всевозможных светильников, на которые дизайнеры определённо не поскупились, освещали помещение настолько хорошо, что после вчерашней ночи я даже не стала пытаться снять солнцезащитные очки, проходя внутрь. Впрочем, оно и понятно: здесь всё просто обязано было сиять. В конечном итоге это место практически представляло собой цитадель пускания пыли в глаза. Наглядным тому подтверждением являлись огромные постеры, украшавшие собой широкий коридор, на которых красовались самые яркие и самые успешные проекты, люди, чьи подписчики в соцсетях исчислялись миллионами.

Вот, например, великолепная стройная брюнетка в новеньком спортивном комплекте собственного свежешагнутого бренда. Настоящая гурманка фитнеса и здорового питания. Образец для подражания и источник вдохновения. Её пошитые в Китае леггинсы раскупили в первый же день запуска, а сейчас она всерьёз хочет написать книгу о вкусной и полезной пище. Вот только никто из поклонников не в курсе о трёх её пластических операциях, включая липосакцию и накачку таких привлекательных ягодичек жиром, не в курсе они и о том, во сколько это обошлось и каких трудов стоило найти надёжного хирурга, который подпишет соглашение о неразглашении.

А вот милейшее белокурое создание. Люди часто говорят, что она выглядит, как принцесса, и это более чем корректное сравнение, ведь прославилась эта девушка буквально одной лишь своей кукольной внешностью и богатым папочкой – большой шишкой в туристическом и гостиничном бизнесе. Но пусть ангельское личико с круглыми глазами, длинными ресницами и невинной улыбкой вас не обманывают. Истинное хобби этой девчонки – смешивать с дерьмом всех и каждого, как только вспышки камер пропадают с горизонта.

А вот наша малышка. Ей всего одиннадцать, и отчасти поэтому куча людей с таким любопытством следит за её выходами в сети. Она стала известна своими заносчивостью и высокомерием через край, а также резкими и в основном невероятно глупыми, но поданными с огромной важностью вы-

сказываниями относительно вообще всего. В результате мы получали на выходе совсем уж гротескную картину. Девочка настойчиво и целенаправленно искала конфликтов и скандалов со всеми, потому с ней у нас было меньше всего проблем, раз уж в скандалах изначально заключалась сама цель. Мне было её жаль. Ведь на самом деле она оставалась не более чем марионеткой в руках родителей и старшего брата, которые по факту лишили её нормального детства, сделав, пусть и успешным, но объектом всеобщей ненависти и травли как в интернете, так и за его пределами. Кому-то приходится выбирать, у неё этот выбор отняли с самого начала.

– Слава богу, ты здесь! – тонкий голосок офис-менеджера резанул по ушам, как нож по стеклу, заставляя непроизвольно поморщиться. Хрупкая юная девушка смотрела на меня с лёгкой паникой в глазах и выражением истинного облегчения на лице. Очевидно, сегодняшний виновник всеобщей суеты уже успел измотать кому-то все нервы.

– Ради всего святого, Эмили, сбавь, пожалуйста, децибелы, – полушёпотом взмолилась я и услышала её протяжный вздох.

– Да, конечно, прости. Просто он уже вытряс из меня всю душу. То требует привести тебя, даже если станешь сопротивляться, то вскакивает и порывается уйти, будто его самого сюда силком заволокли. Уже дважды переделывала ему кофе и трижды относил воду, а сейчас он меня вдруг за мармеладными мишками послал. Прошу, сделай что-нибудь, по-

ка он снова не начал бродить по этажу и вламываться в каждую дверь...

– Он в комнате для встреч?

– Пока да.

– Стоило просто запереть его там и выбросить ключ.

На усталом лице Эмили наконец появилась тень лёгкой улыбки.

– Боюсь, тогда он попытался бы выбить дверь и поднял бы ещё больше шума.

Справедливое замечание. Я не нашла, что возразить, и направилась к кабинету, когда Эмили вновь окликнула меня.

– Чуть не забыла! Кристина, меня просили передать, что из переговорной забрали все мягкие и надувные игрушки. Они, цитирую: «Призваны снимать стресс, а не создавать его. Ты не можешь больше избивать клиентов резиновым молотком или бросаться в них мячами».

– Но...

– Да, даже если тебя выбесили, – с извиняющимся видом оборвала меня Эмили.

– А если...

– Нет, даже в воспитательных целях, – сочувственно покачала головой она.

Это был удар в самое сердце. В офисе имелось много всяких удобств для сотрудников и гостей, чтобы создавать такую модную сейчас «уютную и благоприятную атмосферу», но те игрушки были моей самой главной радостью.

– И как же мне тогда заставлять их рыдать?

– Ты придумаешь что-нибудь. – Эмили вновь улыбнулась и подняла вверх большой палец в знак поддержки. – Кто же, если не ты?

– Сучка, ты опоздала! – Первое, что сказал мне этот придурок, едва я успела переступить порог. Так себе начало. Уже многообещающе. Проще было проигнорировать его, тем более что вступать в словесные баталии у меня не было ни сил, ни желания. Так что я молча прошла внутрь и упала на такие мягкие и такие манящие подушки дивана возле горшка с большим фикусом, чья компания сейчас была бы куда более приятной. Мой «боевой» настрой не остался без внимания, и в следующую секунду я слышала гаденькую усмешку.

– Что, весёлая ночка?

– Уж кто бы говорил, – буркнула я в ответ, бросив короткий взгляд сквозь тёмное стекло очков на ухмыляющуюся физиономию в кресле напротив.

Джейсон Пак. Не главная, но одна из причин моей сегодняшней головной боли. Наглядный пример того, что вполне возможно построить успешную карьеру на одной только смазливой мордашке. В сети он создал себе образ некоего

«идеального парня», который не пьёт, не курит, грязно не ругается, занимается спортом, любит животных и готовит вкусную, эстетически прекрасную еду, не ввязывается в чужие драмы, всегда выглядит безупречно, приветливо улыбается всем и каждому и жаждет дарить радость любому, кого встречает на своём пути. Продвигая всё это в широкие массы на фоне впечатляющих пейзажей, блестящих автомобилей и дома, каждая комната в котором больше походила на фото из журнала, чем на реальное обжитое помещение, Джейсон без особого труда заполучил любовь, а где-то и обожание, преимущественно среди девушек в возрасте от четырнадцати до двадцати шести. Картинка и вправду красивая, привлекательная, на деле же мы имеем, что имеем.

В чём суть каждого популярного инфлюенсера? Суть в том, что человек по ту сторону экрана старательно пытается донести до всех одну простую мысль: «Какие же вы все, должно быть, несчастные, если не делаете, как я». И это никакой не секрет. Все знают, как это работает. А если не знают, то хотя бы догадываются где-то на подсознательном уровне. То, что им транслируют определённый образ жизни, которому они должны *хотеть* соответствовать. Но что, если в эти трансляции вдруг закрадывается нечто деструктивное? Что, если декорации рушатся? Тут у нас уже начинаются проблемы. Приличные рекламодатели редко жалуют скандалы и не горят желанием ассоциировать себя с чем-то спорным и ненадёжным.

Джейсон нервно ёрзал в кресле, меняя одну позу на другую, будто никак не мог устроиться или усидеть на месте, постоянно хрустел костяшками или постукивал пальцами по столу, чем начинал изрядно раздражать, пока я пролистывала страницы в телефоне, силясь собраться с мыслями и вникнуть в суть того, что, собственно, стряслось.

– Ничего не хочешь мне рассказать? – спросила я в надежде отвлечь его от этого бесячего мельтешения. Сработало. Он замер. То ли всё-таки чувствовал себя виноватым, во что верилось с трудом, то ли готовился к нападению. Так сразу и не скажешь.

– А что я? Это всё та поехавшая сучка! Ей заняться больше нечем, кроме как строчить свои разоблачающие высеры на каждого, кто добился хоть чего-то, в отличие от неё самой. Очередная жалкая попытка привлечь внимание.

Он сложил руки на груди, презрительно скривился и демонстративно отвернулся. Что ж, как и ожидалось, тут у нас был второй вариант. Лучшая защита – нападение, так ведь?

– И у неё это неплохо получилось. Под постом целая тонна комментариев, и твои аккаунты уже завалены вопросами. Люди хотят знать, правда ли это. Сам-то читал? «На него это совсем не похоже», «Разве он бывает в таких местах?», «Может, это просто кто-то, кто выглядит как он?», «Думаете, он действительно мог делать что-то подобное?». От тебя ждут ответов. Пара сотен уже отписались.

– Да брось, один раз сходить в ночной клуб – не преступ-

ление. Тем более, я уже поддразнивал аудиторию намёками на то, что подумываю попробовать себя в музыке, и получил отличный отклик. Народ ждёт. Мы легко можем оправдать моё появление там подготовкой к релизу.

– Верно. Вот только эта, как ты выразился, «поехавшая сучка» пишет, что свидетели сообщили ей о том, что занимался ты там вовсе не рабочими и творческими вопросами, а нюхал дурь в сомнительной компании и обдолбался до едва вменяемого состояния.

– Бред какой-то! – вспыхнул возмущением Джейсон. – Я ничего не делал. Ни грамма не принял. Слушай, нам... нам определённо стоит подать на неё в суд! Точно! – продолжая свою торопливую и пламенную речь, он щёлкнул пальцами снизошедшему на него озарению. – Займись этим! Найди юриста и составь иск! Это всё... как там? Грязные инсинуации!

Его маленькое представление было преподнесено с таким рвением и такой серьёзностью, что почти рассмешило меня. Настоящий театр абсурда.

– Вау! Я в шоке! Ты что, нюхал через страницы словаря?

– Что? Да говорю же, враньё всё это!

– Ага. Вот только в уши мне ссать не надо. Я, может быть, выгляжу и чувствую себя паршиво, но ещё не слеpla.

– Не понимаю, о чём ты!

Его слишком громкий голос бил по ушам, как звон колокола, и это детское отрицание очевидного и пререкания на-

чали уже порядком надоедать. Я с тоской подумала о своих утерянных игрушках, мечтая хорошенько вмазать по его глупой головушке, и тогда, точно вселенная услышала мои молитвы, наткнулась взглядом на пульверизатор, стоявший рядом с фикусом. Это явно был знак свыше, не иначе.

– У тебя запёкшаяся кровь под носом до сих пор осталась, придурок.

– Это не то, что ты... – вновь было запротестовал Джейсон, но струя холодной воды в лицо быстро и весьма эффективно заставила его наконец замолчать.

– Плохой мальчик! Плохой! – шикнула я на него, брызнув ещё пару раз, от чего тот зажмурился и замахал руками. – Повторять не стану, так что слушай внимательно и запоминай. Три человека, которым ты всегда должен честно рассказывать обо всей херне, которую натворил: адвокат, врач, увозящий тебя на скорой, и я. Понял? – Опасливо приоткрыв один глаз, Джейсон кивнул. – Отлично. Тогда слушай дальше. У этой разоблачительницы, кроме фотографий самого присутствия тебя в клубе, нет никаких надёжных доказательств употребления, но нам всё равно нужно сделать заявление. Вот, что будет дальше. Ты выйдешь отсюда, сядешь в машину, поедешь домой и будешь сидеть там тихо как мышка. Никому не станешь звонить, никуда не станешь идти, ничего не будешь постить. Полное радиомолчание до тех пор, пока я не закончу писать текст для опровержения. Сейчас важно правильно подбирать слова, так что я состав-

лю для тебя подробный сценарий. Твоя же единственная задача – не создавать новых проблем, понятно?

– Да.

– Что «да»?

– Да, я всё понял. Никаких постов, никаких новых тусовок. Ждать твоего звонка, – с обиженным лицом тихонько пробурчал он.

– Вот и чудненько.

На всякий случай я брызнула на него водой ещё разок, так, сугубо для профилактики, и под его разгневанное шипение и проклятия в мой адрес зашагала на выход. Прошло лучше, чем я ожидала.

Голова всё ещё гудела, а во рту пересохло так, что язык шевелился с трудом, поэтому далеко ходить я не стала и решила устроить небольшой привал прямо в офисе. Неподалёку от холла располагался уютный закуток для всех сотрудников, представляющий собой не совсем кафетерий, но местечко для быстрого отдыха «на ходу», где каждый найдёт для себя что-то, чем можно заправиться. Тут были широкие стеклянные банки с печеньем, сахарными хлопьями, конфетами и мюсли; Эмили ежедневно обновляла запас свежих фруктов и овощей, ведь небольшой, но крайне шумный аппарат для приготовления смузи пользовался здесь невероятным успехом. Не обошлось, конечно, и без кофемашины, а также регулярно пополняемых бутылок воды и свежавыжатых соков в холодильнике.

Рука по привычке потянулась к кофейной кружке, но я загибалась от похмелья, а в сумке на такой случай как раз была припасена фляжка экстренной помощи, и джин с двойным эспрессо сочетался не особо здорово. Пока я слегка растерянно изучала альтернативы, зависнув с распахнутой дверцей холодильника, пожалуй, слишком долго, мимо в сторону лифтов как раз проплыл Джейсон, вытирая лицо салфеткой. Естественно, не забыв при этом бросить мне пару ласковых на прощание.

– Ого, так слухи не врут? – неожиданно раздался за спиной мужской голос, от которого я едва не подпрыгнула. Чёрт, я была в полной уверенности, что тут никого нет. Он так тихо подкрался, или я просто настолько рассеяна?

– Прости?

Не глядя схватив первую попавшуюся бутылочку сока, я обернулась. За длинной узкой стойкой из древесного массива на круглом барном стуле сидел молодой парень. Чуть волнистые короткие каштановые волосы, большие голубые глаза, лёгкая рубашка с закатанными рукавами и каким-то абстрактным причудливым рисунком в тёмных синих тонах, едва заметная небритость... Он выглядел настолько «базовым» на фоне большинства здешних лиц, ничем особо не примечательным, что на секунду я напряглась, стараясь понять, были ли мы знакомы и встречала ли я его тут вообще, но тщетно. Парень неторопливо помешивал сахар в полной кружке с кофе и смотрел на меня с некоторым любопыт-

СТВОМ.

– Часто слышал про «злую ведьму», которая доводит людей до слёз, но ни разу не видел своими глазами, – пояснил он, ткнув пальцем в сторону, где только что скрылся за углом Джейсон.

Прозвище действительно закрепилось за мной довольно быстро в силу того, что я никогда не была намерена сюсюкаться с кем-то и подтирать задницы, за которыми нужно разгребать дерьмо. Капризы и истерики я предпочитала обрывать на корню и, возможно, порой и правда могла перегнуть палку, но никакой вины за собой не ощущала. И всё же, кличка мне не нравилась – она не слишком точно отражала действительность. Я предпочитала считать себя скорее злобной Мэри Поппинс для вредных и избалованных детишек.

– А, ты про этого? Нет, он не плакал, – не без доли разочарования ответила я. – Просто водой опрыскала. Подумала, что если работает с кошками, может сработать и с этим животным.

– Тоже неплохо. Стоит взять на вооружение, – хмыкнул парень, а я же тем временем достала фляжку из сумки и открутила крышку с бутылки сока.

– Уверена, что стоит? – негромко поинтересовался он, когда я намешала свой целебный коктейль и уже собиралась сделать первый жадный глоток.

– О, ещё ни в чём не была так уверена. Будешь?

Вопреки ожиданиям, он продолжал смотреть на меня

больше с интересом, чем с осуждением. Не знаю, зачем, но я будто бы машинально протянула бутылку ему, однако он лишь покачал головой.

– Нет, спасибо. Не припомню, чтобы в правилах компании разрешалось пить на рабочем месте.

Я пожала плечами, встряхнула бутылку и наконец от души отхлебнула за раз почти половину, после чего облокотилась о стойку, слегка опустила очки, чтобы с хитрым прищуром вновь взглянуть на своего собеседника и произнести со знанием дела:

– В любой компании можно пить на рабочем месте. Если не попадаться. Ты ведь не станешь меня выдавать?

Он широко улыбнулся, а я вдруг застыла, глядя на него. Работая здесь уже третий год, я встречала так много фальшивых улыбок, но его была настолько простой и искренней, что невозможно было оторвать глаз.

– Обещаю, – кивнул он. – Но при условии, что ты позволишь мне в случае чего обратиться за консультацией к профессиональной злой ведьме. У нас в IT-отделе тоже частенько возникает необходимость в укрощении строптивых пользователей.

Я неосознанно улыбнулась в ответ и протянула ему руку.

– Тогда договорились. – Только тут до меня дошло, что я всё ещё не знаю его имени. – Кстати, я Кристина.

– Эдвард, – представился он и тут же с какой-то забавной неловкостью мотнул головой и поспешил поправить себя. –

Просто Эд.

Он легонько сжал мою ладонь, и мои вечно ледяные пальцы на мгновение окутало приятным теплом.

– Что ж, рада знакомству, просто Эд. В офисе бываю не часто, но, если что, готова принимать любые вопросы в электронном виде.

Подобрав свои вещи, я помахала ему на прощание и устремила к лифту, твёрдо вознамерившись проспать ещё часов пять, прежде чем приступить к решению проблемы по имени Джейсон Пак. В тот момент я искренне считала, что это был лишь дежурный обмен любезностями, и мы с Эдом больше ни разу не пересечёмся.

Я ошибалась.

Глава 4. Офелия

Маленькая индийская забегаловка в аптауне встретила меня уже хорошо знакомым буйством ароматов, настоящим бойцовским ударом специй прямиком в нос. Мощный запах пряностей в тесном пространстве мог натурально сбить с ног кого-то, кто оказался тут впервые и не был особо близок с азиатской кухней, но такие сюда почти и не заходили.

Здесь всегда звучала аутентичная, какая-то загадочная и немного волшебная музыка, но она оставалась очень тихой, едва заметной, при этом тот, кто всё обустраивал, так умело запрятал динамики в интерьере, что невозможно было понять, откуда шёл звук – он будто бы просто витал в воздухе вместе с запахами, окутывая всё невесомым цветастым облаком.

Явный недостаток освещения создавал внутри довольно уютную, даже интимную атмосферу. Еду тут готовили с любовью, на порции никогда не скупились. Средний чек за последние пять лет практически не изменился. Поэтому, несмотря на отсутствие какого-либо маркетинга и не самое лучшее расположение, это местечко никогда не пустовало, собрав за годы прочный круг постоянных клиентов.

Ко всему прочему, здесь подавали поистине божественный коктейль на основе рома, отдающий скорее карамелью и конфетами, чем алкоголем. С него-то и началось моё знаком-

ство с этим заведением, и то была любовь с первого взгляда.

Из самого дальнего и тёмного угла зала мне уже вовсю энергично махала миниатюрная загорелая девчонка с большей копной белых дредов, собранных в замысловатое гнездо на макушке, и с каждым взмахом тонкой руки множество разноцветных браслетов на её запястье бренчали и позвякивали, полностью ломая всю медитативную ауру заведения.

Моя лучшая и единственная подруга – Офелия. Если в моей жизни и случались какие-либо удивительные и захватывающие приключения, то почти всегда катализатором становилась именно она.

Судьба свела нас на первом курсе, когда мы с Офелией оказались соседками по комнате. Активная, энергичная, общительная и жизнелюбивая, она являлась моей диаметральной противоположностью. Из общего на тот момент между нами было лишь то, что мы обе поступили на год позже большинства первоодок, вот только почувствуйте разницу: Офелия после школы взяла себе время на отдых и осмысление грядущей взрослой жизни, ввязавшись в путешествие по стране в доме на колёсах с группой чудаковатых художников и музыкантов, а я просиживала зад в клинике неврозов.

Одним жарким июльским днём я перестала говорить. Проснулась утром с такой невыносимой усталостью, что не могла заставить себя дойти до ванной, не то что вылезти из постели. Меня будто бы внезапно обесточили, выдернули

невидимый шнур из розетки, вытащили севший аккумулятор, и я не выходила из комнаты, похоронив себя под одеялом, но, конечно же, все вокруг просто не могли оставить меня в покое. Сперва были просьбы, потом посыпались упрёки, а за ними и обвинения. Домработница сначала ласково, но крайне назойливо уговаривала меня спуститься к обеду, а после уже сама приносила еду в комнату, настаивая, чтобы я поела хоть что-то. Сестра закатывала глаза и сетовала, что я опять пытаюсь привлечь внимание, отец сокрушался о том, что я всё время придуриваюсь и только выдумываю какие-то изощрённые схемы, чтобы довести их с матерью. Сама же мама с непревзойдённым упрямством и непреклонностью матёрого прокурора требовала от меня объяснений. Разумеется, чем больше она наседала, тем меньше хотелось что-либо объяснять. В какой-то момент это доконало меня настолько, что хотелось взвыть. Я даже предприняла отчаянную попытку сочинить в голове какой-никакой вразумительный монолог, чтобы прояснить всё, попросить немного времени, чтобы умолять их оставить меня одну или даже откровенно послать подальше, если просьбы до них не дойдут, но для этого мне бы пришлось открыть рот, пришлось бы заставить язык и губы шевелиться и произнести слишком много слов за один раз. Вместо этого я решила замолчать, и не разговаривала ни с кем ещё целую неделю.

Само собой, в клинике быстро поняли, что состояние моё, хотя на первый взгляд и похоже, к кататоническому ступору

не имеет никакого отношения, однако задержаться у них всё же предложили. Аккуратно, вежливо, но вполне настойчиво, так, как будто тебе предлагают своеобразную иллюзию выбора, мол, конечно, дорогая, ты имеешь полное право отказаться, но подумай хорошенько, надо ли оно тебе? Я и подумала. Если бы даже кто-то запер меня в одиночной тюремной камере, в тот момент я бы охотно на это согласилась, и коль уж подобная перспектива вырисовывалась куда красочнее возвращения домой, причин отказываться у меня не было. Добиться абсолютного покоя и уединения в клинике тоже не вышло бы, но там, по крайней мере, чужое внимание не было таким угрожающе сокрушительным.

Вишенкой на сраном торте во всей этой истории стало то, что при каждом неудобном случае мама говорила всем, что на самом деле на этот год я уезжала по учёбе в Англию.

Если быть честной, я до сих пор не до конца понимаю, как вышло, что мы с Офелией сдружились, ведь обычно люди, из которых оптимизм сочится беспрестанным бурным потоком, если и не пугают меня, то заставляют как минимум насторожиться. Возможно, причиной было её бесконечное дружелюбие, которым она меня встретила – словно я внезапно оказалась её тайной и давно потерянной сестрой. Она готова была прийти на помощь в любой ситуации, умела расшевелить, хранила в себе целую коллекцию невероятных историй и смотрела на мир с большущей долей здорового пофигизма, чем я искренне восхищалась.

А ещё, каждый раз, как дела становились плохи, Офелия делала то, о чём я могла только мечтать: она не лезла. Она выключала свет, зашторивала окна, заваривала какой-то пахучий травяной чай, садилась где-нибудь, не слишком далеко и не слишком близко, и терпеливо ждала. Она понимала меня без слов, и однажды, неожиданно для себя самой, я обнаружила, что это взаимно.

За четыре года, что мы прожили вместе, я видела Офелию плачущей лишь раз. Мне даже не приходило в голову начать расспрашивать её о случившемся, вместо этого я молча забралась к ней под одеяло той ночью, обняла её со спины и просто продолжала лежать так, пока мы обе в итоге не заснули, а на следующее утро она снова была прежней собой, как если бы ничего не случилось. Думаю, что именно тогда мы безмолвно признались друг другу в незримой платонической любви.

Шумная Офелия притягивала к себе внимание людей, как магнит, и, конечно, сразу после яркой внешности интерес вызывало её необычное имя. Я не спрашивала при первом знакомстве о том, почему её так называли, посчитав это не слишком тактичным, но все вопросы отпали сами собой, когда Офелия пригласила меня на летние каникулы в дом своих родителей на западном побережье.

Эта богемная и, без преувеличения, странная пара производила поистине неизгладимое впечатление. Отец Офелии был весьма эксцентричным кинопродюсером, известным до-

вольно специфическими артхаусными произведениями не для широкой публики. Мать – бывшая старлетка, свернувшая карьеру ради семьи и внезапно нашедшая себя в поэзии, медитации и бесконечном духовном росте. В их большом, просторном доме царила гармония, рождённая из хаоса, в нагромождении разномастных декоративных безделушек читался своеобразный порядок, и всё вокруг было насквозь пропитано ароматом пачули. Но поразили меня вовсе не дизайнерские изыски. Не знаю, предупреждала ли Офелия родителей о нашем визите, но когда мы вошли в патио, то обнаружили их возле бассейна как раз в самый разгар одного из ритуалов самопознания. О чём я не догадывалась и едва ли могла предположить, так это о том, что заниматься подобным её родители предпочитали абсолютно голыми. Впрочем, смутила ситуация лишь меня одну. Офелия не повела и бровью, бросившись обниматься, а я, остолбенев, так и стояла в стороне, раздумывая, как бы стать невидимкой. Одного желания оказалось мало, так что меня всё же заметили. Угроза чересчур тёплого приёма напугала не на шутку, и я машинально попятилась. К счастью, родители Офелии отнеслись к этому с пониманием и настаивать не стали. Бросили только вскользь что-то про естественность, о которой мы стали забывать, и единение с природой. Я обещала обязательно подумать об этом на досуге.

Шокирующая сцена у бассейна вместе с непрошенными гениталиями чужих родственников, по-моему, навсегда от-

печатались в моей голове, однако, несмотря на подобные проявления широких взглядов и, пожалуй, слишком активное гостеприимство, я чувствовала себя необычно комфортно в их доме. Эти чудные люди были открытыми, радушными, готовыми говорить друг с другом о чём угодно в любое время дня и ночи. Для них не существовало табу, и они никогда не стеснялись проявления эмоций.

По какой-то причине тем летом мне ненадолго показалось, будто я впервые в жизни увидела настоящую семью.

Офелию назвали в честь возлюбленной Гамлета, мне же порой думалось, что меня назвали в честь порождённого злом автомобиля-убийцы¹.

– Ты снова покрасилась! – бодро воскликнула она, как только я подошла к столу. – Одобряю. Так гораздо лучше. К тому же, быть блондинкой – моя прерогатива, так что не вздумай это повторить!

– Согласна, так себе была идея, – ответила я, вспоминая собственное бледное, как призрак, отражение в зеркале.

– А зелёный тебе к лицу. Стала похожа на русалочку, – окинув меня ещё одним взглядом, удовлетворённо кивнула Офелия.

Я усмехнулась. Эксперименты с цветом волос в последнее время действительно уже превратились для меня в новое увлечение. Ещё одна строчка в длинном перечне вещей, которые спонтанно захватывают, а потом так же резко отпускают.

¹ Отсылка к одноимённому роману Стивена Кинга «Кристина».

кают.

– Ага, русалочку. Из болота разве что.

– А что такого? Из болота тоже имеет право на существование. Почему нет? Так даже интереснее. Новые интерпретации старых историй, на мой взгляд, всегда смотрятся любопытно, – невозмутимо продолжила она и махнула рукой. – Всё, хватит нудеть. Садись давай! Я заблаговременно сделала заказ.

На столе действительно стояли и исходили паром два блюда. Наш стандартный набор. Офелия впервые привела меня в это место на втором курсе, и, как-то совершенно незаметно, походы сюда превратились в некую добрую традицию. Сейчас видеться регулярно не получалось, но Офелия прилагала все усилия, чтобы вытаскивать меня хотя бы раз в месяц. А уж у неё-то энергии и сил всегда имелось с большим запасом.

Для вегетарианцев выбор тут был весьма скудный, и она постоянно брала своё любимое блюдо из картошки и цветной капусты, ярко-жёлтых от обилия куркумы и щедро приправленных чили и тмином, меня же поджидали горячие хрустящие треугольники обжаренных во фритюре мясных конвертиков. Рот заполнился слюной. До этой минуты я и не подзревала, насколько была голодна. Кажется, Офелия оставалась единственным человеком, которая знала меня как облупленную. Порой даже лучше меня самой.

– Ну же! Чего ты всё молчишь?! Рассказывай, давай! – не унималась она. – Когда мы в последний раз встречались?

Я слегка растерялась, так и застыв с булочкой у открытого рта.

– Эмм... Перед тем, как ты отправилась в Юго-Восточную Азию на поиски вдохновения, если я правильно помню. Видела фотки. Похоже, приключение удалось?

– Не то слово! – восторженно ахнула Офелия и, казалось, уже собралась в красках поведать о поездке, как вдруг передумала, откинулась назад, скрестила руки на груди и уставилась на меня с подозрением. – Эй! Не смей опять менять тему. Ты делаешь это каждый раз, и мы в итоге всё время только обо мне и говорим. Не выйдет! Колись! Что у тебя нового?

Я страдальчески вздохнула.

– Боже! Ты же и так сама прекрасно знаешь. Ничего. Ничего нового. Никаких историй, никаких новостей. Ничего не происходит. Если бы я вела дневник, в нём не было бы ни строчки.

Лицо Офелии вдруг приобрело несвойственную ей серьёзность.

– Ты уверена, что всё хорошо? – осторожно поинтересовалась она, так, будто бы я ей только что сообщила о чьей-то безвременной кончине. Думаю, она всегда ждала от меня подвоха, и точно знаю, что каждую подобную встречу Офелия устраивала не только потому, что соскучилась, но и частично из-за того, что постоянно за меня волновалась, хоть и старалась этого не показывать. Как и я старалась делать вид,

что не замечаю этого.

– Да, всё отлично. Честно. Так что вещай уже о своих насыщенных буднях. Я правда хочу послушать.

Я пыталась звучать хотя бы правдоподобно. Даже откусила здоровый шмат от закуски и набила щёки для пущей убедительности, ну, и для того, чтобы занять рот наконец, избавив себя от необходимости говорить.

И, к моему бесконечному облегчению, выждав несколько секунд, Офелия вновь приняла непринуждённый вид. Хорошо набрав в грудь воздуха, она приготовилась вывалить на меня весь груз накопившихся впечатлений.

– Ох, слушай, у меня сто-олько всего! Я перепробовала просто нереальное количество всяких вкусностей на местном рынке. Чуть рот себе не сожгла, между прочим, и набрала, по-моему, неплохо – в любимые штаны по возвращении еле влезла. Ещё гладила слонов, посетила буддийский храм – что-то совершенно волшебное! Десять из десяти! Всем советую! Так, что потом? – Она призадумалась, загибая пальцы. – Да, точно! Родила новую картину. Теперь появились идеи для целой серии. Хочу договориться об аренде лофта для галереи, но это пока только в планах. Месяца через три, а то и все пять... О, кстати! Нашла новое хобби!

Я не сдержала беззлой усмешки.

– Правда? Которое это уже? Девятое за последние полтора года?

– Нет, серьёзно, только послушай: танцы на пилоне! Кру-

то же, да? И почему я раньше о таком не задумывалась? – Офелия замолчала ненадолго, переводя дух, но новая гениальная мысль сразу же озарила её светлую голову. Выпучив на меня горящие восторгом глаза, она захлопала в ладоши, и её голос почти перешёл на писк от едва сдерживаемого воодушевления. – Ты должна пойти со мной! М? Давай же, соглашайся!

– Заманчиво, но я, пожалуй, воздержусь.

– Да брось, погнали! Вместе веселей, а тебе-то уж точно не помешает начать чаще куда-то выбираться. Плюс это не только красиво, но ещё и полезно! – с лицом настоящего эксперта продолжала она свою рекламную кампанию. – Буквально спорт! И самое главное – отлично раскрепощает.

– Ага. Выпивка тоже отлично раскрепощает. Может, лучше по коктейлю возьмём? С жирненьким и острым будет самое то.

– Ну тебя, – отмахнулась Офелия. Она высунула язык и показательно надулась, а после всё же вспомнила про остывающую на столе еду.

Я тоже вернулась к обеду и уже собиралась проглотить всё до последней крошки, когда телефон в моём кармане завибрировал. На экране высветилось «Бивис и Батт-хед».²

Мультяшными персонажами в списке контактов я подпи-

² Персонажи одноимённого анимационного сериала о паре подростков-бездельников, отличающихся апатией, низким интеллектом и низкопробным юмором.

сала сразу двоих ребят из агентства. В некотором смысле у них и правда было много общего, только если герои сериала приходились друг другу друзьями, Патрик и Олли были братьями. Ещё и близнецами, ко всему прочему, что частенько сбивало с толку и становилось неиссякаемым источником идей для розыгрышей, но при этом также отлично работало на имидж.

Двойняшки имели ошеломительный успех у младшей возрастной группы, без конца придумывая контент, основанный преимущественно на какой-нибудь глупости. Они заполняли целый бассейн желейными конфетами, пытались накрутить самый большой в мире ком из сладкой ваты, пили на спор самые жгучие соусы, какие только удалось раздобыть, и являлись самопровозглашёнными королями странных и бессмысленных лайфхаков на любой случай жизни. Весьма спорный выбор направления для двух здоровых лбов, как по мне, но цифры говорили сами за себя, и около девяти миллионов детей наверняка охотно поспорили бы со мной.

«Эй, ведьма!», – гласило первое сообщение, и, едва я успела его прочитать, на меня уже обрушился поток новых.

«Счётчик видела?»

«Мы сделали это!»

«Перевалили за десятку!»

«Десять лямов это ж юбилейная цифра, сечёшь?!»

«Грандиозный тусыч в эту субботу!»

«Только свои!»

«Отказы не принимаются!»

«Тащи свою великолепную задницу, или мы подкинем тебе работёнки!»

О, в этой их маленькой угрозе я даже не сомневалась. Шкодливость близнецов была как раз на уровне их основной целевой аудитории, вот только сами проказы почти всегда проходили за гранью того, что дозволялось смотреть неокрепшим детским умам. Я не горела желанием принимать приглашение, но парней знала не первый день – они вполне могли наворотить дел, если оставить их без присмотра, так что стоило хотя бы поразмыслить об этом.

Отложив телефон в сторону, я вновь взялась за еду, но едва прикончила половину порции, когда на Офелию снизошло очередное озарение.

– Видела афиши с твоей сестрой. Что, пойдёшь на боль-

шую премьеру?

Булка встала поперёк горла. Я откашлялась, хлебнула воды и подняла на Офелию вопросительный взгляд.

– Зачем? Я всю жизнь слышала, как она играет. Сюрпризов не предвидится. Как-нибудь обойдусь.

Я говорила всерьёз. Мне нечего было там делать, да и моё присутствие на триумфе Тори, я уверена, тоже было не слишком желанным. И именно поэтому я представила ненадолго, что бы случилось, явись я туда на самом деле. В таком же виде, как сейчас, посреди торжества высшего света. Чёрт, это мог бы быть настоящий фурор! От одного только цвета волос лица мамы и сестры перекосило бы, как от инсульта. Я до сих пор помню их гримасы в день, когда проколола нос, и потом, когда сделала татуировку... «Поверить не могу, что мы одной крови», – вот, что без слов говорили их лица. Но они бы точно до победного старались выдержать бесстрастный вид. «Как и подобает достойным женщинам». Вот только всем вокруг всё равно явно будут бросаться в глаза их напряжённые усилия. У них обеих никогда не получалось так мастерски обдавать холодом, как это делал отец.

– Нет, не хочу портить ей праздник своей постной физиономией. Пусть насладится им, она реально старалась, – сказала я и улыбнулась этой дурацкой нелепой картинке, что вырисовывалась в голове, а затем ещё раз бросила взгляд на лежавший рядом телефон и добавила: – К тому же, у меня уже есть куда более заманчивое приглашение.

Глава 5. Рождённый ползать

Повеселиться двойняшки решили, конечно же, с размахом. Трёхуровневые апартаменты в новеньком небоскрёбе, которые те арендовали для своей вечеринки, с недавнего времени входили в топ самой дорогой недвижимости в городе. Чего стоил один только подъём туда в стеклянной кабине лифта. Вид на один из крупнейших парков с высоты птичьего полёта... Вид, от которого натурально дух захватывало. Особенно для меня. Где-то на уровне подсознания я свято верила в то, что рождённый ползать – летать не может, поэтому, наблюдая за тем, как земля всё больше отдаляется, ощущала в основном головокружение и лёгкую тошноту, а также острое желание вцепиться в поручни крепче или вжаться в пол. Как будто бы это могло мне помочь, если бы лифт вдруг сорвался.

Что ж, я однозначно не из тех, кто побежит от скуки прыгать на резинке с верхушки сотовой башни. Скорее из тех, кто запьёт пару таблеток Валиума³ этими крохотными бутылочками спиртного на борту самолёта ещё до того, как шасси оторвутся от взлётной полосы. Хотя, должна всё-таки отметить, что нечто завораживающее в разрастающейся под ногами пропасти всё же было.

³ Препарат, обладающий седативным, снотворным, противотревожным действием.

Я никогда не хотела умереть, но, поднимаясь на сто двадцать девятый этаж здания, невольно задумалась о том, что если упадёшь с такой высоты, то лететь наверняка будешь так долго, что гарантированно успеешь не один раз осознать происходящее и в красках представить, какое мокрое место останется от тебя в конце.

Апартаменты встретили меня громоуханием музыки, едва створки начали открываться. Студийные прожекторы вертелись в такт, и цветные огни вспыхивали и рассыпались повсюду, отскакивая от стекла бесконечно высоких панорамных окон и множества хрусталиков внушительной люстры, свисающей близ винтовой лестницы. Что-то хлопнуло, и в воздух взмыли тысячи золотистых блёсток, кто-то самозабвенно пускал невесомые облака мыльных пузырей со второго этажа, а на роскошном чёрном рояле, стоявшем в углу просторного зала, выстроилась неприличных размеров башня из бокалов с шампанским.

Народу уже было полно, хотя подтянулись определённо ещё не все. Девушки с холёной бронзовой кожей, покрытой слоями хайлайтера, в крохотных купальниках, едва скрывающих выдающиеся формы, всю танцевали. Парни в цветастых шортах и гавайских рубашках на голое тело методично курсировали от одной приглянувшейся особы к другой.

Никто не предупреждал меня, что вечеринка будет в пляжной тематике, но я не особо переживала по этому поводу.

Я прошла вперёд, осматриваясь, погружаясь глубже в пучину зарождающегося веселья. Знала ли я хотя бы половину из этих людей? Скорее всего. Могла ли вспомнить их имена? Абсолютно точно нет.

Парней было заметно меньше, чем девушек. Кто-то уже вовсю, не стесняясь никого и ничего, лобызался прямо на барной стойке, и я молилась про себя, чтобы среди гостей не оказалось малолетних фанаток двойняшек. С такими проблемами, в которые подобное вылилось бы, я не желала разбираться ни за какие деньги.

Прямо за пожирающей лица друг друга парочкой компашка ребят с дикими воплями швырялись горстями взбитых сливок, варварски вырванных с огромного шестиярусного торта, из-за тонкой перегородки кладовой комнаты за моим плечом даже сквозь музыку долетали вполне однозначные звуки чьей-то бурной и несдержанной любви, а рядом, прямо за распахнутой дверью сияющей белизной ванной комнаты, две подружки нюхали дорожки порошка, разложив своё добро на закрытой крышке унитаза.

Фестиваль праздности. Триумф гедонизма.

Судя по тому, что я наблюдала, вечеринка обещала довольно быстро превратиться в настоящий бедлам. Невероятно дальновидно с моей стороны было закинуться Аддералом⁴ ещё перед выходом.

⁴ Препарат для лечения нарколепсии и синдрома дефицита внимания. Улучшает реакцию и подавляет ощущение усталости.

Близнецы налетели на меня ураганом из ниоткуда, обхватив мои плечи с двух сторон, отрезая пути к отступлению.

– Пришла наконец! – резанул по уху восторженный возглас слева.

– Мы уже заждались, – томно промурлыкал второй справа.

Обычно различить этих двоих было той ещё задачкой, но парни недавно просекли, что видео, где люди в домашних условиях творят со своими волосами чёрт знает что, пользуются популярностью практически всегда, и теперь один из братьев ослеплял всех вокруг своей чуть ли не неоновой красной макушкой, а другой ходил с выжженными, торчащими во все стороны осветлёнными патлами.

– Это будет просто легендарно! Веришь? – не унимался Патрик, без устали мотая рыжей башкой, не зная, на чём остановить взгляд.

– О, я даже не сомневаюсь... – протянула я, стараясь незаметно вырваться из цепкой хватки, в особенности от непозволительно тесно жмущегося ко мне Олли, но тот и не думал сдавать позиции. Напротив, склонился к моему уху ближе и следующую реплику буквально выдохнул мне в шею.

– Нет, мы реально рады тебя видеть. Девчонки собрались просто шикарные, но ты ведь знаешь, что моё сердечко принадлежит тебе, правда? – Видимо, он уже успел хорошенько надраться, раз снова начал задвигать мне свою любимую пьяную тираду. – Может, пропустим часть веселья и уеди-

нимся ненадолго на третьем этаже? Все втроем?

Его брат хохотнул, но возражать не стал. Да и руки не опустил, сжал моё плечо лишь сильнее. Я вздохнула и невольно закатила глаза.

– Говорила раньше и продолжу повторять: только в ваших влажных мечтах, извращуги! Парни с лицами вроде ваших не в моём вкусе.

– Вроде наших? Это ещё какие?

– Лица, на которых написано: «Родители заплатили за моё поступление в «Лигу плюща», но я просрал даже такую возможность».

Парни переглянулись, наконец освободили меня из своих объятий и наиграно скуксились.

– Всё такая же жестокая, – обиженно пробурчал Патрик.

– Но в этом и есть твоё очарование, – хитро подмигнув, добавил Олли.

Они уже собрались было улизнуть и найти себе занятие поинтереснее или девчонок поговорчивее, когда я хватанула обоих за воротники и развернула обратно к себе.

– Ну-ка стоять! Куда намылились? Думаете, я сюда просто от скуки пришла? – Парни завертели головами, изо всех сил делая вид, что ничего не понимают. – Значит так, детишки, слушаем внимательно! Во-первых, за всё, что вы здесь разрушите, агентство платить не будет. Сами организовали, сами арендовали – сами разгребаете последствия. Во-вторых, запоминайте первое и единственное правило! Делайте, что

хотите, но только так, чтобы завтра об этом не трубили из всех щелей. Если я не увижу ни одного видео, ни одной компрометирующей фотографии с этой вакханалии – честь вам и хвала. Но если увижу... Бойтесь. Сильно бойтесь.

– Для тебя что угодно, лапуля.

С лукавой улыбочкой Олли отсалютовал и внезапно скрылся из виду, а в следующее мгновение вся музыка вдруг стихла, и парень материализовался на ступенях, возвышаясь над растерянной толпой с мегафоном в руке. Откуда он вообще достал мегафон?

– Народ, внимайте! – с чрезмерной театральностью разорвал он тишину, и гости действительно дружно воззрели на него в ожидании речи. Олли соорудил страшную гримасу и продолжил с такой напускной таинственностью, словно разыгрывал настоящее представление. – Злая ведьма вышла из тёмного леса и явилась на наш праздник, чтобы навлечь ужасное проклятие! – Он замахал руками, и люди, как по команде, неодобрительно загудели, поддерживая спектакль. – Её чары сильны, но мы не сдадимся! Мы должны действовать вместе, чтобы противостоять магии и снять заклятие! – Волна бодрых возгласов эхом прошла по залу. – Если мы хотим, чтобы праздник продолжался, а веселье не стихало, придётся принести жертву! Вы готовы пойти на это?!

– Да! – хором откликнулись все присутствующие.

– Я не слышу!

– Готовы!

– Тогда все достаём свои телефоны, выключаем и до самого конца вечеринки оставляем в волшебном ларце, неподвластном злым чарам! Без доступа в сеть проклятие ведьмы потеряет свою силу!

В ту же секунду его брат возник рядом, держа перед собой пластиковый контейнер, словно какую-то реликвию. Всё с той же драматичностью, Патрик склонил голову и двинулся вперёд. Толпа зааплодировала, и, точно находясь под гипнозом, люди и впрямь принялись складывать мобильники в кучу. Близнецы умели импровизировать. Всем понравилось шоу, и все с готовностью приняли правила игры. Это и впрямь впечатляло.

Музыка загудела вновь. Я не была уверена в том, что их затея сработает и никто не полезет обратно в коробку, чтобы тайком сделать селфи или заснять какую-нибудь вопиющую глупость, но то уже становилось проблемой завтрашней Кристины. Сегодняшняя собиралась выдохнуть с облегчением и плюнуть на всё остальное до рассвета.

По тому, с каким неистовством я отплясывала и орала вместе с собравшейся толпой, так наверняка и не скажешь, но вообще-то я не большая любительница подобных мероприятий. Почему же я это делала? Почему без колебаний сдавалась власти гремящих басов, льющейся рекой выпивки и беспорядочных касаний десятков незнакомых рук в общем угаре? Потому что если я буду в покое, если останусь одна в тишине, то я начну думать. А если я начну думать, то не

надумаю ничего хорошего.

Иногда я ужасалась тому, что творилось в моей собственной голове.

Иногда я пугала себя до чёртиков.

Уже после второго бокала всё стало похоже на рванный монтаж киноплёнки. Жар от десятков тел, подпрыгивающих в едином порыве в ритм электронного бита, шум собственного пульса, заглушающий чужие голоса, хлопок выстрелившей пробки, и целый душ из шампанского, устроенный близнецами с верхушки лестницы, липкий крем с торта, размазанный по моей шее под звонкий девичий смех, горячие мягкие губы незнакомки... Последнее, что я помню – огромные облака пены, поднимающиеся из джакузи, взмывающие в воздух, и переливающиеся радугой пузыри, ноги, промокшие до колен, и девушку с кошачьим взглядом и загадочной улыбкой, снимающую с меня одежду.

Очнулась я абсолютно разбитой. От раздражающей тупой боли в плече и щекочущей вибрации мобильного в заднем кармане джинс. К моему огромному облегчению, отключилась я прямо в гостиной, на большом угловом диване, где, помимо меня, в самых разнообразных позах, распластавшись, скрутившись, съехав на пол и даже частично свесившись с низкого изголовья, валялось ещё несколько человек. Ещё большее облегчение я испытала от осознания того,

что каким-то образом умудрилась снова одеться перед тем, как рухнуть тут, – этот момент пропал из памяти начисто.

Плечо жутко ныло от неудобной позы. Кажется, я основательно отлежала себе руку, потому что от локтя до кончиков пальцев не чувствовала её совсем. Голова трещала, тело налилось свинцом, а свет больно резал глаза. Собравшись с силами, я попыталась принять чуть более вертикальное положение в пространстве, выплюнула прядь собственных прилипших к лицу волос, медленно пошевелила одеревеневшим языком, морщась от ощущения выжженной пустыни во рту. Тяжесть всего мироздания обрушилась мне на голову и нещадно тянула к земле.

Я потёрла опухшие веки, стараясь вернуть зрению нормальный фокус, но мир продолжал просматриваться сквозь какую-то мутную плёнку. Кое-как поднялась на отёкшие ноги. Рядом страдальчески промычало одно из храпящих тел. Девчонка в ярком бикини поёжилась, недовольно почесала нос и, так и не просыпаясь, перевернулась, попутно пнув головой пяткой свою соседку по дивану прямо в ухо. Та лишь нахмурилась и продолжила беспробудно дрыхнуть.

Опасно качнувшись, я поднялась на ноги, выцепила взглядом холодильник и побрела к нему. Холодные бутылки воды в свете внутренних лампочек сияли для меня, как священный грааль.

Я хлебала жадно, проливая часть на себя, а когда прикончила бутылку, тем же неуверенным шагом двинулась на тер-

расу.

Погода стояла пасмурная. Небо было сплошь затянуто серыми облаками, а промозглый ветер заставлял неприятно ёжиться, но дождя, вроде бы, пока что не намечалось. На столике возле шезлонга, среди валявшихся зажигалок, вейпов и смятых пачек сигарет, я заметила остатки чьих-то ментоловых, хватанула одну, подошла к перилам. Взгляд тут же устремился вниз, голова закружилась, и я отшатнулась на пару шагов.

Ну его нахрен...

Ретировавшись обратно к шезлонгу, я плюхнулась на него, сжала фильтр в потрескавшихся губах, нащупала зажигалку. Чиркнула, вдохнула. Прикрыв глаза, выдохнула густое облако дыма с привкусом зубной пасты. Телефон снова жужкнул в кармане, ужалив в зад.

Кто вообще пишет в такую рань в выходной день?

С моим представлением о раннем часе, конечно, можно было поспорить – экран телефона показывал полдень. А ещё он показывал уведомление о двух новых сообщениях в мессенджере, от чего я побледнела, представив себе на мгновение необходимость работать после вчерашнего. Однако сообщения были не от моих «детишек», не от девчонок из PR-отдела и не от руководительницы. Мне потребовалось несколько минут и куча волевых усилий, чтобы напрячь извилины и понять, что лицо на аватаре мне смутно знакомо. Как и имя Эдвард...

«Привет! Твоё предложение ещё в силе?»

«Неделька выдалась напряжённой. Наконец появился свободный день, и я бы не отказался от мастер-класса легендарной злой ведьмы»

Воспоминание о случайной встрече в офисе вспыхнуло в голове и почему-то заставило невольно улыбнуться. Я была уверена, что он пошутил тогда и слова были брошены просто так, но, похоже, он действительно искал новой встречи.

«Ты что, сталкер? Не помню, чтобы давала свои контакты)», – шутливо ответила я и почти сразу получила следующее сообщение.

«Ты сказала, что принимаешь обращения в электронном виде, и я нашёл тебя в общем чате. Никакого преследования. Мои помыслы кристально чисты!))»

Я усмехнулась. Мимолётно вспомнила его глаза, которые и правда показались мне очень добрыми, и его такую простую и естественную улыбку. С удивлением для себя я вдруг поняла, что была бы совсем не против увидеть её вновь. Вот только состояние моё оставалось далёким от того, в котором можно позволить себе показываться людям в принципе.

«Прошедшая ночь оказалась тяжёлой... Не уверена, что вообще в состоянии думать, не то что консультации давать. Нужно либо сказатья больной и хорошенько проспать дней пять, либо как-то взбодриться»

«Могу предложить пару роликов девятого размера», – неожиданно ответил он, и я слегка впала в ступор. Не знаю, чего я ожидала, но точно не чего-то подобного. Он и правда хотел увидеться со мной? Ещё и совпадение такое удивительное...

Предложение вовсе не казалось заманчивым, но мне стало даже любопытно.

«Ого, мой размер... а кататься научишь?»

«Да легко!», – без раздумий согласился он.

Та часть мозга, что уже успела проснуться, тихонько подсказывала, что это ужасная идея, но шальные пальцы, видимо, всё ещё требовавшие приключений, печатали совсем другое.

«Тогда, наверное, можно устроить»

«Можно и нужно! Умение кататься на роликах определённо важно и будет всячески полезно в мире постапокалиптического будущего!»

Сипловатый смех вырвался из горла. Эд добил меня. Если секунду назад во мне ещё оставались объективные сомнения, теперь все они куда-то испарились. Я, вероятно, была ещё пьяна, когда писала ему очередное сообщение, но в ту конкретную секунду это показалось мне совершенно правильным.

«У меня в шкафу как раз завалилась бутылка вермута, и я не знаю, что с ней делать. Можно выпить и идти кататься»

«Алкорайд?»

«Ага. Либо учиться будет не так страшно, либо падать веселее»

«Я только за;)»

«Но мне нужно время, чтобы собраться. Дело не быстрое...»

«Без проблем. Я скину тебе адрес. Напиши, как будешь»

выдвигаться»

Сборы реально затянулись. Одна только поездка до дома заняла в два раза больше времени, чем могла бы, ведь ноги я переставляла, как бабуля в доме престарелых, к тому же на вечеринку я ехала в одной тонкой майке, и ледяной порывистый ветер, бивший прямо в лицо, без конца норовил оттолкнуть назад и заставлял всё тело коченеть, сильно затрудняя дорогу до подземки.

Мне всегда нравилось метро. Если, конечно, не обращать внимания на крыс и абстрагироваться от запаха мочи. Оно казалось мне своеобразной точкой пересечения совершенно разных миров. В одном вагоне можно было наблюдать семейные парочки с детьми, бизнесменов в дорогих костюмах, уличных музыкантов и храпящих на полу бомжей. Идеальное место, чтобы становиться свидетелем самых абсурдных, курьёзных, забавных, а иногда и пугающих ситуаций. Но больше всего мне нравилась эта мерная убаюкивающая качка. В метро я немного оттаяла, а заодно и подремала лишние минут пятнадцать, которые, вообще-то, пришлись весьма кстати.

Доковыляв до квартиры, я предприняла не совсем удачную попытку пообедать – желудок наотрез отказался прини-

мать холодную трехдневную лапшу из китайской доставки. Нужно было для начала получше прийти в себя, и долгий горячий душ в этом неплохо помог. Как и ещё пол-литра минералки из личных запасов. Когда же наконец я вновь обрела способность переваривать что угодно, а пара сотен лишних калорий прибавила сил, можно было почистить зубы (в третий раз подряд для надёжности) и подумать над тем, присутствовала ли в моём гардеробе одежда, хоть как-то подходящая для активного отдыха, к которому, если уж на чистоту, я совсем не была готова даже в лучшие дни. Другое дело, если бы в число олимпийских дисциплин входил бы бег от проблем с препятствиями. Тут-то все медали были бы мои!

Переодеваясь снова и снова, я не единожды задавалась вопросом, что творю и на кой оно мне сдалось, но отчего-то в тот момент я испытывала странное, несвойственное мне воодушевление, предвкушение чего-то нового, незнакомого, а за подобное стоило хвататься обеими руками и стараться не отпускать так долго, как получится. Даже если в глубине души я прекрасно знала, что рано или поздно всё неизбежно обернётся катастрофой. Но, может быть, в этот раз хотя бы выйдет «поздно»?

Путь на противоположный конец города добавил ещё немного времени на прерывистый сон, и, стоя на пороге квартиры Эда, я, как мне казалось, выглядела даже лучше, чем в момент нашего с ним знакомства.

Он встретил меня всё с той же сияющей улыбкой, от ко-

торой в такой непогожий день становилось чуточку теплее. Кивнул на две пары роликов, что уже поджидали при входе, а я с коварной ухмылкой достала из сумки прихваченный из дома вермут.

У Эда не было ни бокалов, ни рюмок, ни другой посуды, в которую обычно разливают алкоголь, и сама идея того, чтобы пить из кофейных кружек, почему-то поднимала мне настроение.

Бутылка была небольшой. Треть улетела как раз с двух таких неполных порций, а я не стала предлагать выпить больше, включив нехарактерную для себя скромность, будто бы собиралась произвести хорошее впечатление. Уж не знаю, как для Эда, но мне после вчерашнего этого оказалось вполне достаточно, чтобы почувствовать прилив храбрости перед предстоящим заездом.

Эд быстро переобулся, пока я продолжала ковыряться с креплениями, а затем опустился передо мной на колено, чтобы помочь со шнуровкой, липучками и ремнями, подробно объясняя, как правильно зафиксировать лодыжку и как нога должна ощущаться в самом ботинке. Протянул руку. Помог подняться. Странное дело, но стояла я вполне ровно и твёрдо. Вопреки ожиданиям, ноги не разъехались, и мне даже удалось сделать несколько самостоятельных шагов без всякой поддержки. Это вселило в меня ложную уверенность, которая, впрочем, быстро улетучилась, стоило только выйти из лифта и столкнуться с первыми ступенями. Боюсь да-

же представить себе, как выглядела, когда ошалело хваталась за перила и пыталась преодолеть каждую их них. Наверняка, как больной на ходулях, восстанавливающийся после серьёзного перелома. Но Эд сохранял фантастическое терпение рядом со мной. Держался рядом, позволял на себя опереться и ловко подхватывал моё неуклюжее тело всякий раз, как я норовила встретиться лицом с асфальтом, беззлобно смеясь над моими неумелыми движениями и над всем многообразием гримас ужаса, что выдавало моё лицо.

После того как на лёгком спуске ему в очередной раз пришлось ухватить меня за ремень джинс, чтобы остановить, Эд попытался объяснить, как правильно тормозить, но те пируэты, что он показал, однозначно были выше моих сил, и я предпочитала и дальше успешно въезжать в фонарные столбы или оказываться в его куда более надёжных руках.

Ожидаемо, надолго меня не хватило. Ноги начало сводить уже через квартал, а каждая мелкая неровность, каждая выбоина, каждый люк или бордюр становились настолько пугающими, что совсем скоро я взмолила о пощаде, и Эд, любезно подталкивая в спину, покатил меня назад к дому.

В противовес кошмарам городских дорог, чувство, которое я испытала, избавившись от колёс, напоминало эйфорию. За всю жизнь не вспомню подобной лёгкости в теле и в каждом шаге – я словно одолела силу притяжения, парила, как астронавт, скачущий по поверхности Луны.

– Так что, расскажешь, откуда у тебя взялись ролики под-

ходящего размера? – недоверчиво прищурившись, спросила я.

– Подруга по колледжу когда-то давно загорелась идеей попробовать, но уже через пару недель решила для себя, что велосипеды – куда более безопасный транспорт.

– Боже, полностью её в этом поддерживаю! Буквально обеими чудом уцелевшими руками.

– Брось, для первого раза ты справилась очень даже неплохо, – всё с той же лучезарной улыбкой заключил Эд.

– Это точно! Я ожидала сломанных ног или, как минимум, отбитой задницы, так что поездка однозначно превзошла ожидания.

Он рассмеялся, и мы застыли, глядя друг на друга в неловком молчании. План был выполнен, на улице начинало темнеть, а уходить совсем не хотелось, ведь всё то время, что я на кураже кричала, то от страха, то от восторга, а Эд ловко рассекал вокруг, подбадривая меня и не позволяя навернуться, я не вспоминала ни о семье, ни о работе, ни о звенящей тишине собственной пустой квартиры, ни о чудовищном хаосе, который преследовал мои мысли большую часть времени. Вот только казалось, что мы оба не заглядывали настолько вперед.

– Там ещё оставался вермут... – неуверенно начала я, сомневаясь, собирался ли он вообще продолжать этот вечер. – Можем допить, если, конечно, у тебя нет грандиозных планов на завтрашнее утро.

В самом деле, не ради же одной короткой прогулки он меня пригласил? Но по нему и правда было трудно сказать. Каждое его прикосновение вполне оправдывалось ситуацией, в них не читалось никакого подтекста, никаких тонких намёков, и я находилась в некоторой растерянности.

– Я не против, – кивнул Эд и, задумчиво почесав затылок, махнул в сторону дивана, на котором лежал ноутбук. – Тогда... Дама выбирает фильм?

– О, тут ты обратился по адресу! Перед вами, сэр, ходячая энциклопедия современного кинематографа! – гордо заявила я, сорвав с его губ очередной короткий смешок.

– В таком случае прошу, располагайся.

Глава 6. Шаги навстречу

– Поверить не могу, что ты согласилась на что-то подобное! – в голос рассмеялась Офелия. Пересказ моих впечатлений о прошедшей неделе взбудоражил её больше, чем я рассчитывала.

– Да уж... Сама себе не поверила бы, если бы смотрела со стороны, – хмыкнула я, продолжая разглядывать брызги красок на потолке. Не знай я Офелию, вопрос о том, как они там оказались, возможно, посетил бы мою голову, но несколько раз мне доводилось наблюдать эту сумасшедшую девчонку за работой, и такие вещи уже совсем не казались удивительными.

Квартира Офелии была для неё одновременно и домом, и студией. Большое пространство на верхнем этаже старого здания из красного кирпича, бывшего когда-то текстильной фабрикой, с массивными колоннами, высокими потолками, железными балками и впечатляющих размеров окнами, теперь превратилось в просторное жилое помещение с минимальным количеством стен и перегородок. Спальня, кухня, гостиная, столовая, рабочий кабинет – всё одна зона. Хоть танцуй, хоть бегай, хоть на лошади скачи. Настоящий рай для клаустрофоба.

Днём солнце заливало всё ярким светом, по вечерам закаты окрашивали помещение розовым золотом. Здесь все-

гда дышалось легко и свободно, и Офелия могла позволить себе по-настоящему разгуляться, работая с такими полотнами, которые в обычную квартиру не уместишь и даже не заставишь. И, конечно, ей хватало места, чтобы хранить своё добро: все разнокалиберные холсты, куски фанеры, листы картона и металла, на которых она творила, жестяные банки, тюбики и баллончики с краской, растворители, масло, валики и кисти, испачканные тряпки, многочисленные вырезки из газет и журналов, обрывки фотографий... Она могла создать шедевр из мусора, и следы её бурной деятельности, творческого процесса, который частенько больше напоминал мне припадок, транс и поле битвы одновременно, можно было обнаружить повсюду: в чернилах, навсегда въевшихся в паркет, в крошке угля, размазанной на кухонной столешнице, в бумажных обрезках, застрявших в щели под шкафом, в беглых скетчах и граффити, которыми она покрыла едва ли не каждую стену.

Я любила упорядоченный хаос и, пусть заглядывала не часто, чувствовала себя по-сказочному уютно в этом месте, как если бы вдруг перешагнула невидимую грань и очутилась в совершенно ином мире. Мире, наполненном всеми возможными оттенками красок, рождественскими гирляндами, горящими в любое время года, запахами имбиря, корицы и сандала.

Чтобы номинально разграничить зону отдыха от всего остального, спальное место Офелии располагалось на до-

вольно приличном подиуме, а от утренней зари грешные глаза спасали непроницаемые плотные шторы, которые сейчас были собраны, но по ночам превращали постель в роскошный шатёр.

Лёжа на пропитанных запахом цветочного парфюма простынях, я продолжала разглядывать всё вокруг так, словно была тут впервые, и каждый раз примечала какую-то новую крошечную деталь.

– Как я предлагаю что-то подобное, так ты бескомпромиссно уходишь в отказ, а как парень позвал, так ты побежала, виляя хвостиком? Сердце мне разбиваешь! – наигранно возмутилась Офелия, поднимаясь по ступеням с двумя кружками красного чая.

– Я почти уверена, что всё ещё была в бреду, когда писала ему. И уж точно не собираюсь повторять этот аттракцион быстрого полёта в травматологию!

Офелия поставила кружки на низенький круглый столик и плюхнулась рядом.

– Ну хорошо. Вы покатались, вернулись, сели смотреть фильм, а дальше? Дальше-то что?

По её выражению лица и горящим глазам я поняла, что она жаждала любых горячих подробностей, да побольше. Хотелось бы мне самой её не разочаровывать, но...

– В том-то и дело, что ничего, – протяжно вздохнула я.

– Не поняла.

– Ага. Я тоже поняла, что ни черта не поняла. Всё ждала,

что он сделает шаг, что... не знаю, хотя бы приобнимет меня или вроде того. Но нет, он был полностью сфокусирован на происходящем на экране. В итоге я просто упала ему на плечо и уснула на середине фильма.

– От скуки, что ли? – хохотнула Офелия.

– Скорее от того, что просто вымотала себя, но кино тоже совсем не помогало. Лучше бы слэшер посмотрели. Любой из тех, где компания друзей приезжает отдохнуть в хижину в лесу и всё заканчивается месиловом.

– Ладно. И что потом?

– Да ничего, говорю же! Он потрепал меня по голове на финальных титрах. С утра нужно было гнать на студию ради очередного заскока Джейсона, так что я собралась ехать домой. Эд сказал, что уже довольно поздно и предложил проводить до станции. Я не возражала. Думала, что, может, под конец предпримет что-нибудь, но он только обнял меня на прощание и отшутился, что в следующий раз постарается выбрать что-то менее усыпляющее.

Офелия пихнула меня в бок локтем и состроила загадочную гримасу.

– Ну вот, видишь! Он сказал «в следующий раз». Значит, явно хочет встретиться снова.

– Да? Чтобы на сей раз позвать прогуляться в парке или уток покормить? Мы что, в средней школе? Слушай, я обычно считаю, что дружба между мужчиной и женщиной – это невероятно редкий зверь, но, по-моему, его ко мне интерес

сугубо платонический.

– Нет, не думаю. Иначе он бы просто продолжил переписываться с тобой ещё неделю-другую. Хотя вообще-то сам факт, что он заморочился тем, чтобы нарыть твои контакты, уже ставит эту теорию под сомнение.

– Тогда, в чём приколы? Почему он ничего не сделал?

Офелия пожала плечами и задумчиво уставилась в пустоту.

– Не уверена... Может, он просто хороший парень? Не хочет торопить события? Не знает, как намекнуть?

– Тем более! Что «хорошего парня» могло привлечь в ком-то вроде меня? Всё вот это, – сумбурно замахав руками вокруг, продолжила я, – точно не его типаж.

– Как же?! – воскликнула Офелия. – Людям нравится экзотика. Возможность разнообразить серые будни крайне привлекательна. Ну а сама? Скажи лучше, что ты про него думаешь?

Снова вопросы, на которые я бы сама себе не дала вразумительных ответов.

– Ну... Он довольно милый, – промямлила я, теребя в пальцах пушистую кисточку на плетёном покрывале.

– И всё? Ты поэтому сорвалась к нему, невзирая на полнейший раздрай? В то время как мне приходится чуть ли не силой вытаскивать тебя куда-то?

Как и всегда, Офелия не собиралась легко сдаваться. Она продолжила бы давить до тех пор, пока не получит желаемое.

Хуже любого терапевта.

– Он... Он меня рассмешил.

Я отвернулась, стараясь избежать её пронизывающего взгляда, но она успела заметить тень неловкой улыбки, которую я пыталась скрыть.

– Дай угадаю – и ты была бы не прочь повторить? Ужасная ведьма на самом деле оказалась заколдованной принцессой, и только поцелуй прекрасного принца сможет развеять проклятие?

С коварной ухмылкой Офелия набросилась и повалила меня на спину, злобно хихикая. Тонкие пальцы забегали по моим рёбрам, заставляя корчиться и визжать от щекотки.

– Ну всё, хватит! – рвано хватая воздух, взмолилась я и сбросила с себя неутомимое тело. – Что вы все на сказках-то помешались? Где я, а где хэппи-энды? Забудь. Было занятно, но я уже говорила, что не хочу больше ввязываться в эту мелодраматичную тягомотину. Не нужен мне никакой принц.

– Ну уж нет! Меня не обманешь! – строго отчеканила Офелия, и снова ткнула меня в бок. – Я же вижу, что тебе это пошло на пользу.

– О чём ты?

– Я же не слепая, Кристи. Посмотри, ты ведь ожила на глазах! Эмоции вон какие-то появились, глаза блестят... А ещё ты позвонила мне первой. И пришла сюда. Сама. По собственной инициативе.

Я вздохнула. В очередной раз в её словах был определён-

ный смысл, но я отчаянно не желала признавать это. Признавать, что где-то очень глубоко внутри какая-то маленькая частичка меня *нуждалась* в любви.

– Окей. Может и так. Но ты сама сказала, что он «хороший парень». Так что это по умолчанию плохая затея. Хорошие парни – не для меня.

– С чего ты взяла?

С губ невольно сорвался нервный смешок.

– Да ты посмотри на меня! Я же ходячая катастрофа!

Офелия приподнялась на локтях и вдруг заговорила совершенно серьёзно.

– Вот и прислушайся к опыту. Оглянись назад и подумай хорошенько. Плохие парни ломают тебя.

Оглянуться назад и прислушаться к опыту? Да я бы продала душу, чтобы перестать это делать. Если бы, конечно, верила в существование души. Но дурные воспоминания – как плохо сросшийся перелом: навсегда остаются частью тебя и постоянно дают о себе знать в самые ненастные дни, зудят и ноют, мешают спать... Я могла бы ответить ей, что именно по этой причине и не собиралась ввязываться в отношения, но для мечтательной Офелии нужен был более доходчивый аргумент.

Я прикрыла глаза на секунду и попыталась сказать ровно и чётко, так, чтобы до неё дошло, но голос предательски надломился, и слова прозвучали каким-то болезненным, надрывным полuşёпотом:

– А хорошего сломаю я.

Офелия прикусила губу, замолчала ненадолго, а затем мягко накрыла мою ладонь своей, и на её лице вновь расцвела беззаботная улыбка.

– Так постарайся этого не сделать, – сказала она так, будто это было нечто совершенно элементарное. Её бесконечная вера в меня не переставала удивлять.

– Думаешь, у меня получится?

– Думаю, тебе стоит хотя бы попробовать. К тому же ты не пыталась взглянуть на это с другой стороны? Что, если всё наоборот? Что, если хороший парень сможет тебя исправить?

То был запрещённый приём. При иных обстоятельствах я бы вскочила и поспешила убраться отсюда до того, как она додумалась бы сказать что-то ещё, потому что я всё равно не стала бы слушать. Однако Офелия была права, когда назвала меня «оживлённой». Я действительно замечала некий подъём всю последнюю неделю с вечеринки близнецов. И пусть её теория и звучала слишком невероятно, я ощущала противоречие внутри, слабый голос надежды, который говорил, что, может быть, удастся хотя бы продлить это чувство немного дольше обычного. Вот только...

– Допустим. Но он всё равно не звонил мне с тех пор.

– Что, прям совсем тишина?

– Нет. Ну... он писал, скидывал несколько смешных картинок и милейшее видео с попугаем, катающимся на игру-

шечной машинке.

– Так предложи ему встретиться сама!

Эта мысль мне в голову не приходила. Вероятно, потому что я никогда так не поступала. У меня просто не было в этом необходимости. Так что я даже слегка растерялась, когда Офелия озвучила столь простое решение.

– Что? Нет. Это... как-то странно.

Я понизила голос и отвернулась, стараясь всем своим видом показать, что не собираюсь никому писать или звонить первой, но Офелия не купилась. Вместо очередного тычка под рёбра мне прилетел вполне ощутимый щелбан.

– Ай! Какого...

– Вот только не надо принижать мои интеллектуальные способности, притворяясь скромной невинной овечкой. Я слишком хорошо тебя знаю. Давай! Доставай телефон и пиши ему прямо сейчас! При мне! Чтоб я видела!

Я редко наблюдала подобное выражение на её лице – как у строгой монашки в воскресной школе, готовой отбить тебе все пальцы линейкой за непослушание. Вряд ли Офелия сделала бы что-то подобное, но вот её упрямство было мне знакомо хорошо, и я точно знала, что сейчас в самом деле проще сдаться.

– Ладно, ладно, ты победила, – пробурчала я, достала телефон и под её грозным взглядом уставилась в экран, силясь выдавить из себя что-то остроумное, но безуспешно. С другой стороны, простые решения – самые эффективные, вер-

но?

«Эй, как ты там? Ещё жив после нападок вечно разгневанных пользователей?»)»

Офелия недовольно цокнула над ухом.

– Что? Нужно же с чего-то начать разговор! – сказала я в свою защиту. Она прищурилась, словно подозревая меня в чём-то, затем снова перевела взгляд на экран и принялась смотреть, почти не моргая. – Серьёзно? Будешь ждать до победного?

Телефон пискнул до того, как она мне ответила, и мы обе едва не столкнулись лбами, бросившись читать сообщение.

*«Скорее жив, чем мёртв. Хотя большие похож на зомби.)
Как сама?»*

«Лучше, чем обычно. Чем-то занят этим ясным воскресным днём?»

«А что? Решила рискнуть и дать роликам ещё один шанс?»

«Ох, ни за что! Предпочту и дальше передвигаться на своих двоих. Как насчёт простой прогулки? Тот же свежий воздух, но с минимальными рисками для здоровья».

«Я не против. Но тебе придётся время от времени пинать меня, если начну засыпать на ходу)»

«Почему? Что-то случилось?»

«Да ничего такого. Приятель накануне предложил пройти всего одну карту в игре, но каким-то образом мы зависли на всю ночь».

«Значит, я тебя разбудила? Извини. Можем выбрать другой день...»

«Нет, всё в порядке. Я не против немного проветриться. Просто скажи, куда хочешь пойти».

– Видала?! – победный возглас Офелии заставил меня подпрыгнуть. – Говорила же! Говорила! Кто станет жертвовать сном ради девушки, на которую плевать? Давай! – она нетерпеливо забарабанила ладонями по моему плечу. – Пиши ему и проваливай отсюда. Чтобы через пять минут тебя тут не было!

Я задумалась, прикидывая варианты, а затем застучала пальцами по буквам на экране.

«Тебе нравятся пляжи?»

Кому вообще могут не нравиться пляжи? Если такой человек и найдётся, я бы точно не стала встречаться с ним. Слишком подозрительно. Всё равно что ненавидеть щенков или котят.

Из-за того, что Офелия выпроводила меня из квартиры практически силой, на станцию, где мы должны были встретиться, я приехала раньше, чем нужно, но в этот раз погода действительно располагала, так что не страшно было немного подождать. Стоя возле сетевого заведения с пончиками, я наслаждалась тёплым солнцем и до странного беззаботно наблюдала за неторопливо курсирующими людьми, пока из дверей наконец не показалась кудрявая макушка Эда. Для человека, который не спал всю ночь, он выглядел чересчур бодрым и жизнерадостным, как по мне, хотя я и могла различить тёмные круги под его глазами даже издали. Офелия наверняка ляпнула бы что-то про то, что это всё из-за меня, но в подобное верилось с трудом. Тем более что Эд по-прежнему избегал любого ненужного физического контакта, кроме очередных беглых объятий при встрече.

– Так почему именно пляж? – спросил он, пока мы медленно двигались по променаду. А двигаться было куда – деревянная набережная за годы своего существования успела

растянуться на мили. В целом, это и было одной из причин, по которой я позвала его сюда: здесь не приходилось долго думать, чем себя занять, развлечений найдётся на любой вкус.

– Это моё любимое место.

– Правда? Почему? Из-за аттракционов? Еды? Или любишь строить замки из песка? – он неожиданно склонился к моему лицу так близко, будто собирался поделиться каким-то страшным секретом. Я даже замерла на мгновение, растерявшись, но Эд продолжил идти как ни в чём не бывало.

– Всего понемногу, – улыбнулась я. – Но в основном приезжаю сюда ради залива.

– Любишь купаться? Потому что вода тут не очень-то чистая, если что.

– Нет, мне нравится просто смотреть. Особенно по ночам. Я не часто куда-то выбираюсь, тем более далеко, а залив для меня... это как море быстрого приготовления.

Я посмотрела в сторону береговой линии. Совсем скоро должно было наступить лето, и через несколько недель ежегодный парад, проходящий здесь, как раз ознаменует начало купального сезона. В хорошие дни смельчаки могли найтись и раньше, но сегодня никто не стремился попробовать водичку. Впрочем, народу хватало и без того, и мы с Эдом органично влились в спокойный поток. Двигаясь без суеты, немного лениво, прошли мимо нескольких сувенирных ла-

вок, задержались возле одной из скамеек, где пожилой мужчина играл на аккордеоне, развлекая собравшуюся вокруг небольшую стайку зевак.

– Так что насчёт Луна-парка? Нельзя же просто пройти мимо, раз уж приехали сюда, – предложил Эд, когда музыка и детский смех стали громче, а карусели и горки оказались совсем близко. – Пойдём на колесо обозрения?

Я проследила за его взглядом, и меня прошиб озноб. Вблизи эта штукавина казалась ещё больше, а я смотрела слишком много фильмов ужасов, чтобы позволить себе подняться на такую высоту на раскачивающейся железяке.

– Не-а! Ты меня не заставишь! Давай лучше на карусель с лошадками, а?

Судя по всему, выражение паники на моём лице и жалобный тон его рассмешили, но не убедили. Он взял меня за руку и потянул за собой.

– Ну же, пойдём! Чтобы побороть страх, нужно столкнуться с ним лицом к лицу, трусишка. Если всё пройдёт хорошо, обещаю сходить с тобой на лошадок.

Я не придумала, как отказаться, что, вообще-то, совсем на меня не похоже. Не успела опомниться, как оказалась рядом с ним в этой жуткой маленькой кабинке, скрипящей и поднимающейся до одури медленно наверняка лишь для того, чтобы предоставить тебе больше шансов сорваться... Я сглотнула, но вскоре почувствовала тёплую ладонь, накрывшую мои окоченевшие от напряжения пальцы.

Подъём показался бесконечным, а ведь предстоял ещё и спуск, но Эд всю дорогу так и не выпускал моей руки. Я старалась не смотреть ни по сторонам, ни вниз, что по сути полностью противоречит самой концепции колеса обозрения, а он отвлекал меня рассказами о своей видеоигре: про зомби и про группу выживших, про особенных заражённых, про разные карты и режимы... Тихо, каждый раз всё так же наклоняясь к моему лицу, так, что я чувствовала его дыхание на своей щеке. Это сбивало с толку.

Когда мы всё же сошли с кошмарной машины, я выдохнула. Вновь двигаясь по набережной вдоль многочисленных лавочек и закусочных, я ценила землю под ногами, как никогда прежде.

Эд притормозил возле местечка под названием «У Руби», яркие красные вывески которого говорили о том, что тут подают пиво и лучшие морепродукты во всей округе.

– Что думаешь о жареных креветках? – спросил он, и я усмехнулась.

– Если у тебя с собой случайно не завалялся укол эпинефрина, пожалуй, откажусь.

– Аллергик?

– Только если речь о ракообразных и моллюсках. А вообще, я в еде весьма непритязательна.

– Понял, – кивнул он и заозирался по сторонам. – Тогда... Постой-ка здесь минутку.

Эд побежал куда-то назад и скрылся в толпе, а вскоре вер-

нулся с крайне довольным лицом и большим комком сахарной ваты в руках, который протянул мне, точно букет роз.

– Дарю!

Я просияла. В моей картине мира еда в ста процентах случаев выигрывала у бессмысленных цветов.

Свой подарок я почти прикончила к моменту, когда мы добрались до пирса и присели на край.

– Уже подумала над тем, чтобы составить для меня список фильмов, от которых ты не засыпаешь в первые полчаса?

– Пожалуйста, скажи, что ты любишь кровавые ужастики, – с надеждой взмолилась я, но он поджал губы.

– Нет, вообще-то не очень.

– Тогда у нас проблемы. Так, ладно, дай-ка подумать... О! Я знаю несколько мозговзрывательных фильмов про временные петли, ещё один крутой индийский триллер про парня, который... ой, нет, не знаю, как рассказать, чтобы не спойлерить весь сюжет. Да, вспомнила! Раз уж тебе нравятся зомби, но ужасы ты не любишь, у меня есть для тебя одна немецкая комедия про старшеклассников и оживших мертвецов!

– Ого! Я впечатлён. Значит, можно устраивать киномарафон?

– Звучит, как план, – улыбнулась я и запихнула в рот последний кусок ваты. Повисло молчание. Глядя на залитый розовым горизонт, Эд протяжно зевнул.

– Думаю, мне уже пора ехать отсыпаться перед рабочим

днём, – произнёс он, и внутри меня вдруг что-то ёкнуло.

В моей жизни не было ни одного свидания. Все мои отношения всегда были стремительными и завязывались сами собой, и чувство, которое охватило меня в тот вечер, было мне незнакомо. Незнакомо, но чертовски приятно. Это и есть та «романтика», о которой все говорят?

Я не хотела, чтобы он уходил.

– Нет, ты что-то перепутал.

– Да нет, пора, – прошептал он, в очередной раз приблизившись прямо к моему уху. По шее побежали мурашки.

– Не пора, – уже еле слышно запротестовала я.

Он не ответил. А в следующую секунду я почувствовала, как его ладонь коснулась моей щеки, и, едва я успела опомниться, Эд развернул моё лицо, запустил пальцы мне в волосы и поцеловал.

Глава 7. Крещендо

Однажды я была влюблена в парня, страдающего депрессией. Ещё тогда, в клинике. Я не стремилась особо ни с кем общаться, даже когда наконец решила нарушить свой обет молчания, но он привлёк моё внимание, как вспышка молнии в ночном небе.

То было утро. Назвать меня ранней пташкой трудно, но мне нравилось выбираться покурить на крышу, пока воздух ещё оставался влажным и прохладным. Конечно же, по правилам выходить было запрещено, но клиника больше напоминала закрытый курорт с особым вниманием и очень странной культурной программой, чем строгое медицинское учреждение, а каждый второй день в утреннюю смену дежурил слишком мягкосердечный и слишком сговорчивый Карлос, чьей простодушной натурой пользовались некоторые самые ушлые из нас.

Дэмиена я встречала на той же крыше не впервые, но сама никогда не пыталась заговорить, как и он со мной. Мы просто игнорировали присутствие друг друга, оставаясь безмолвными коллегами по тайным перекурам и воспринимая другого, скорее как деталь общего пейзажа. Наверное, так продолжалось бы и дальше, если бы в один из дней нашу компанию не разбавил новый человек.

Молоденькая девчонка с опухшими глазами и растрёпан-

ными косами цвета пшеницы медленно плыла по воздуху, точно призрак, пока не добралась до самого края. Я помню, как она крепко вцепилась в поручень абсурдно невысокого ограждения бледными пальцами, торчащими из длинных рукавов свитера, и как долго и проникновенно смотрела вниз, то и дело шмыгая покрасневшим носом.

Я никогда не хотела умереть, но точно знаю, как выглядит лицо человека, который подумывает прыгнуть.

Её дрожащая фигура портила вид, а бесконечное хлопанье соплей убивало весь кайф от моего расслабляющего утреннего моциона, поэтому мне захотелось окликнуть её, сказать: «Эй, ты ведь понимаешь, что не расшибёшься, прыгнув отсюда? Разве что ноги переломаешь. Лучше дождись выписки и попробуй найти здание повыше». Но он опередил меня.

– Сегодня дают мороженое.

Девчонка вздрогнула, резко обернулась и уставилась на него огромными, полными страха и недоумения глазами. Она будто вообще не замечала до той секунды, что на крыше был кто-то, помимо неё.

– Ч-чего?

– Мороженое. Ванильное, клубничное и шоколадное на выбор, – бесстрастно продолжил он, на что она лишь недоумённо хлопала влажными ресницами. – Я хочу сказать, что убить себя ты всегда успеешь, а кафетерий закрывается через два часа.

То ли чужое внимание смутило её, то ли его слова выбили из колеи, но, помявшись, девчонка развернулась и припустила назад к лестнице. Я же едва сдерживала смех. Кто-то со стороны мог бы подумать, что Дэмиен таким образом благо-родно пытался отговорить непутёвую прыгунью, и у него по-лучилось, но по тому, как буднично он говорил, по его отрешённому взгляду я понимала, что скорее всего он действительно имел в виду именно то, что и сказал, не более. И это зацепило меня.

По началу было и правда весело. Внезапно разбушевавшийся в крови коктейль из гормонов счастья, возбуждение, когда я ночами украдкой пробиралась в его комнату, когда мы оба, прячась под одеялами, из последних сил сдерживались, чтобы не шуметь и не привлекать дежурных... У депрессивных парней есть свой определённый шарм, некая аура загадочности, подобно той, что любят рисовать главным героям в подростковых книжках и фильмах про вампиров или ещё каких тёмных и мрачных фантастических тварей. Но реальная жизнь далека от романтического фэнтези.

Довольно быстро я стала замечать, как рядом с ним мне становится хуже. Это не бросалось в глаза, но Дэмиен медленно тянул меня ко дну, как булыжник. Всё равно что попытаться соединить два магнита с одноимёнными полюсами и смотреть, как они отталкивают друг друга. Только мы с Дэмиеном друг друга топили. Он был первым, с кем мне искренне захотелось поделиться всем тем, что оставалось

невывыказанным. В конце концов, кто ещё мог бы понять меня? Но он выворачивал каждое моё слово наизнанку, превращал всё в какую-то болезненную, извращённую игру, в соревнование за титул чемпиона среди пациентов.

«Насмешила. Посмотри на меня. Думаешь, у тебя здесь проблемы?»

«Маленькая принцесса устала от внимания и решила ни с кем не разговаривать? Очнись уже! Это не диагноз, а капризы».

«Ты не можешь меня понять. Ты просыпаешься по будильнику, ходишь на обед по расписанию, засыпаешь каждую ночь. Ты подала заявки в колледж и уже получила письмо о зачислении. У тебя есть режим. Ты живёшь по плану. У меня такого нет».

И ещё с десятков тезисов в стремлении показать, кто здесь «настоящий страдалец». Самопровозглашённая королева драмы.

Интересно, если каждый день не отличается от предыдущего, и ты просто продолжаешь бездумно двигаться на автопилоте, плыть по течению, раскинув руки, не заботясь о том, если ли впереди пороги, означает ли это, что с тобой всё в порядке?

Знаете, как часто говорят девушкам: «Остановись! Не нужно пытаться спасти кого-то. Ты не сможешь его исправить»? Не припомню, чтобы хоть раз кто-то с первого раза воспринимал чужой непрошенный совет, насколько бы адекватным тот ни был. У меня советчиков не было вовсе, и с Дэмиеном пришлось выяснять эту простую истину на практике. Впрочем, я могла сказать ему спасибо за это знание. Никто не может никого исправить. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Поэтому те слова Офелии вызывали во мне лишь горькую усмешку. Вот только сейчас я и правда чувствовала себя гораздо живее, чем когда-либо могла себя вспомнить.

Эмили явно была удивлена лицезреть мою физиономию так часто в последнее время.

– Кто ты? И что ты сделала с настоящей Кристиной? – угрожающе бросила она мне в спину, пока я помешивала молоко в кружке с кофе и пыталась выбрать между миниатюрными зефирками и медовыми колечками в тарах со снеками. Её нарочито серьёзное лицо заставило меня улыбнуться, но я поспешила вновь принять невозмутимый вид.

– Не понимаю, о чём ты.

– Хорош прикидываться, – недоверчиво сощурившись, перешла в наступление она. – Я вижу тебя в офисе уже шестой раз за последние две недели.

– Ну... так это, вроде, моя работа, – невинно развела я руками и, наконец определившись, засунула пятерню в банку с

зефирками. – Что же тут удивительного? По понедельникам на встречах обсуждаются планы на всю грядущую неделю, плюс на носу три пресс-релиза... Дел неуправляемо.

– Вот только дурачку из меня не делай. Ты не появляешься на встречах. Сама говорила, что пренебрежение средствами технического прогресса – верный признак невежества, – с важным видом спародировала она меня, – и подключалась только по видеосвязи. А ещё я слышала потрясающую историю о том, как в прошлом году ты не появлялась три месяца подряд.

Мне уже начало казаться, что от сдерживаемого смеха вот-вот треснет лицо, так что я сдалась.

– Ладно, ты меня подловила.

Эмили гордо вздёрнула подбородок и таинственно улыбнулась.

– Ну, и? Я жду горячих сплетен! Что могло заставить неуловимую ведьму выбраться из зоны комфорта? – Подкравшись с кружкой соевого молока, Эмили как бы невзначай толкнула меня плечом и перешла на полушёпот. – Уж не связано ли это с твоим новым приятелем по обеденным перерывам?

– Наблюдательность на грани преследования. Скажи честно, тебе доплачивают за каждую такую новость? Есть тайный чат, где девочки из бухгалтерии разнообразят кнылую рутину перемигиванием чужих костей, и ты активно пользуешься спросом? – рассмеялась я, на что Эмили страдальче-

ски вздохнула.

– О клиентах же слухи распускать нельзя. Приходится как-то выкручиваться. У девушек есть потребности, знаешь ли!

– Женские секретики?! Прошу, раскройте мне все ваши тайны! Обязательно возьму на заметку.

Внезапное прикосновение чужих рук заставило меня вздрогнуть. Дёрнувшись и чуть не пролив кофе, я развернулась и оказалась лицом к лицу с Эдом, который, как всегда, встречал меня своей мягкой улыбкой.

– Ой, третий лишний! – театрально всплеснула руками Эмили. – Пожалуй, не буду вам мешать. И девичьи тайны унесу с собой.

Судя по покрасневшему лицу, Эмили распирало от эмоций, но она тактично ретировалась. И всё же её задорный взгляд ясно давал понять, что так легко я не отделаюсь и рано или поздно придётся поделиться с ней историей в таком излюбленном всеми офисными болтунями жанре: «очередной роман на рабочем месте».

– Ну вот... – досадливо протянул Эд, глядя вслед её удаляющейся фигуре. – А я уж надеялся раскрыть загадку пути к женскому сердцу.

– Через желудок. Никто не признается тебе в этом, но девочки обожают поесть. Вкусно и много! Это наивысшая форма проявления заботы.

– Правда? Тогда хочешь забежать куда-нибудь по пути?

Любое место на твой выбор.

Я была всё ещё приятно удивлена тем, что он согласился составить мне компанию в галерее современного искусства, куда должна была пойти поддержать Офелию. Вообще-то сама Офелия вполне недвусмысленно дала понять, что ждёт конкретно нас обоих. Она преподносила всё под соусом светского мероприятия, но у неё плохо получалось скрывать тот факт, что на самом деле ей куда больше любопытно увидеть Эда лично и воочию убедиться в том, что я не успела налаживать и действительно влипла в новые отношения.

Отрицать, что этот маленький выход в люди будоражил меня, тоже было бессмысленно. Можно сказать, что это наше первое нормальное свидание, учитывая, что всё это время Эд не изменял себе и не спешил двигаться вперёд семимильными шагами. Мы так и не зашли дальше объятий и поцелуев украдкой в перерывах между работой, и стоит отдать должное – это знатно меня раздражило. Чёрт, я даже приделась по случаю! Отрыла в недрах гардероба маленькое чёрное платье, которое надевала лишь раз на собственный выпускной. Мама наверняка обрадовалась бы, узнай об этом... Если бы, конечно, я не скрестила нестареющую классику с панковской косухой и слишком массивной обувью.

Эд тоже сменил свой извечный стиль образцового клерка, и я не могла не отметить, что чёрные рубашки ему к лицу.

Отставив кружку в сторону, я покачала головой.

– Нет. Я не большая любительница таких мероприятий,

поэтому хочу прийти пораньше, чтобы пораньше уйти, не дожидаясь, пока нас затащат на афтерпати. Тем более там наверняка будут закуски.

Эд явно чувствовал себя не в своей тарелке, отрешённо курсируя вдоль обшарпанных кирпичных стен между броскими картинами неясного содержания и громоздкими скульптурами, сделанными, на первый взгляд, из скопившегося у художника в квартире хлама. Он старался не показывать собственной растерянности, но во взгляде без труда читалось непонимание. Я не винила его. Какофония электронных звуков, которую кто-то посчитал отличным музыкальным сопровождением, в сочетании с индустриальным стилем самого пространства и странными людьми, выглядящими не менее гротескно, чем их работы, могли напугать с непривычки. К тому же, даже классическое искусство – широкая тема для дебатов, а уж о постмодерне и всяческих метаироничных посылах вообще лучше не говорить. И Эд выглядел довольно мило с этой вдруг вспыхнувшей ребяческой стеснительностью в каждом движении.

Офелия нашлась не сразу. Я успела урвать штук пять разных миниатюрных сэндвичей и пирожных и выпить около трёх бокалов розового шампанского, прежде чем заметила

торчащее вдалеке гнездо светлых дредов, в окружении стайки других местных творцов, которых в обычный день трудно не заметить, ведь почти все они предпочитали наряжаться в эксклюзивные вещи андеграундных дизайнеров, которые, как по мне, своей многослойностью, выбором материалов и нарочито кривым и рваным покроем напоминали одежду очень чистого бездомного. Я называла этот стиль «бродяга на миллион». Их компания стояла вообще в другом конце громадного зала, далеко от организованного бара, так что в том, что мы разминулись не было ничего удивительного.

Мне не хотелось вгонять Эда в ещё больший стресс, поэтому я не стала тянуть его в гущу творческой суеты или бросать наедине с экспонатами и решила дожидаться, когда подруга сама найдет нас. Офелия долго ждать не заставила. В натуженном молчании, что в теории должно было сойти за глубокий мыслительный процесс, мы остановились возле большого коллажа из старых чеков из супермаркета, которые волшебным образом складывались в женский портрет. Руку мастера я узнала ещё издалека, а сам «мастер» подкрался незаметно, пугая своим звонким приветствием нас обоих.

– Вы пришли! – с налёту обняв меня со спины, воскликнула Офелия. – Оба... – игриво добавила она уже тише, выпуская меня из кольца цепких рук.

– Конечно, пришли. Разве ты оставила бы меня в покое?

– Однозначно нет, – хохотнула она и повернулась к изумлённому Эду. – Рада наконец познакомиться с тем, кто рас-

топил эту глыбу льда, которую она называет сердцем. Как вы тут? Развлекаетесь?

– Взаимно, – ответил Эд и, оглядевшись, неловко усмехнулся. – Здесь... интересно. Но, боюсь, мозг технаря не слишком разбирается в тонкостях искусства. В этом точно есть какой-то смысл, но не уверен, что улавливаю его.

– Ну, если коротко, то эта работа, как и сегодняшняя выставка целиком, посвящена гибели искусства под гнётом капитализма, главенству формы над содержанием, – с важным видом пояснила Офелия, и тут же махнула рукой, отбрасывая напускную претенциозность. – Но это вообще не так важно, как все они хотят, чтобы вы думали. Так что не заморачивайтесь и просто хорошо проведите время, окей?

Сказав это, она чмокнула меня в щёку, помахала Эду и упорхнула назад в эпицентр всей суматохи, а через несколько минут мой телефон прожужжал, и я прочитала сообщение от неё.

«Отлично выглядишь, кстати говоря. Мальчик тоже нормас!»

Следом за ним Офелия отправила подмигивающий смайлик, и я закатила глаза.

– Что там?

– Ничего. Офелия, как всегда, дурачится. – Я убрала телефон в сумку и вновь вернула всё внимание Эду. – Ну что?

Хочешь свалить отсюда? Свои обязанности лучшей подруги я выполнила.

– Уверена? Мы были здесь не так долго...

– И успели всё посмотреть. Плюс, она велела нам хорошо провести время, а тут можно повеселиться, только если у парочки хипстеров какой-нибудь занудный глубокомысленный спор выйдет из-под контроля и перерастёт в мордобой. И то – сомнительное развлечение. Уверена, что эти ребята дерутся как девчонки.

Эд хмыкнул и взял меня за руку.

– Говоришь прямо как один мой знакомый. Не знал, что ты такая жестокая.

– Что жестокого в том, чтобы смотреть на чужую драку? Не я её устроила. И не я принимаю участие. Никакой разницы с просмотром второсортных телешоу.

Он не ответил, и мы неспешно двинулись к выходу, а оказавшись снаружи, остановились, и, вероятно, оба задумались о том, как поступить дальше. И затем Эд наконец произнёс то, что я так давно ждала от него услышать.

– Чтоб ты знала – я добавил весь твой длинный список в свою киноподборку. Так что... может, хочешь заехать ко мне?

Боже, он выглядел таким очаровательно нерешительным в этот момент, что я едва не заскулила. Но леди ведь не издают странных звуков и не пытаются затащить милых юношей в ближайшую подворотню, поддаваясь собственным живот-

ным инстинктам, верно? Потому я просто улыбнулась ему одними уголками губ.

– Очень хочу.

Он в основном молчал всю дорогу, пока я рассказывала всякие глупости о прошлых выставках, которые посещала, и о том, какой забавной и даже пугающей бывает Офелия за работой. Просто, чтобы избежать тишины, в которой я бы наверняка напридумывала себе разной ерунды, и извращённая логика привела бы меня к выводу, что вечер прошёл ужасно и лучше уже не станет. Может, Эд и был хорошим слушателем, но его молчание точно никак не помогало, и к моменту, когда мы переступили порог его квартиры, я чувствовала себя глупее некуда, не зная, что ещё сказать.

– Эмм... Что хочешь посмотреть для начала? – неуверенно произнесла я, вспомнив, для чего он вообще позвал меня. Я даже не смотрела на него. Боялась увидеть скуку или усталость на его лице. Однако, едва успела кинуть сумку и куртку на вешалку в прихожей, как почувствовала его ладонь на пояснице, и голос, отчего-то тихий, чуть более низкий, чем обычно, коснулся тёплым дыханием моей шеи.

– Если честно... сегодня я хочу смотреть только на тебя.

Он застал меня врасплох. Я обернулась и в тот же миг ока-

залась в его объятиях; губы стремительно накрыли мои, не позволяя ничего ответить. Не то чтобы я возражала.

Пульс подскочил, и я с трудом могла сообразить, ударило ли в голову шампанское, или же движение его пальцев по моей спине и сам поцелуй были такими опьяняющими. Он потянул меня вглубь квартиры, и я с наслаждением поддавалась его мягкому напору, двигаясь сумбурно, но неспешно, неуклюже пытаюсь на ходу справиться с пуговицами его рубашки, пока ноги не наткнулись на край постели.

Эд отстранился. Поцелуи опустились на шею, и с шумным вздохом я непроизвольно запрокинула голову, подставляясь чуткой ласке. Еле слышно брякнула молния. Одно лёгкое движение рук – и платье скользнуло на пол. Эд осторожно подтолкнул, придерживая спину, повалил на кровать, и от долгожданного ощущения тяжести его тела я тихо ахнула.

В темноте, нарушаемой лишь светом уличных фонарей из окна, его ладони изучали каждый изгиб медленно и скрупулёзно. Губы беспорядочно блуждали от плеч к груди, от рёбер к низу живота... Он заставил меня ждать так долго, что все нервы стали, как оголённые провода, и каждое его прикосновение отзывалось импульсом, яркой вспышкой, вызывающей дрожь. Когда же он наконец прекратил меня мучить, и я смогла полностью почувствовать его в себе, вспышка разорвалась целым пожаром.

На самом деле, в семи случаях из десяти секс сам по себе меня даже не сильно интересовал. Мне нравилось ощущение

близости с кем-то, ощущение заполненности, некой целостности, и мне нравилось то чувство, которое я испытывала в момент, когда парень достигал долгожданной разрядки – внутреннее ликование, мол, да, это моя заслуга, я постаралась, я молодец. Не знаю, было ли дело в том, как Эд смотрел на меня, в выражении его лица в этот момент, или же всё дело в томительном ожидании, которым он терзал меня с самого первого дня, но тогда мне показалось, что я улетила в космос на громадной волне эндорфинов, захлестнувшей моё тело.

Лёжа на его груди, оглушённая звуком собственного бешено бьющегося сердца, я была не просто пьяна – я была почти уверена, что счастлива. И весь мир мог катиться к чертям, потому что тепло, разлившееся у меня под кожей приятной истомой, казалось бесконечным. Мне не хотелось двигаться, не хотелось шевелить и пальцем, чтобы не спугнуть эту красивую иллюзию. Я могла только закрыть глаза и вслушиваться в его глубокое дыхание.

– Твоё сердце тоже стучит так громко... Это реально ублаживает, ты знал? – с блаженной улыбкой промурлыкала я, пока его рука ласково поглаживала мою талию. Он наклонился. Коротко поцеловал меня в макушку и прижал к себе чуть крепче.

– Тогда засыпай. Тебе ведь не обязательно уходить.

Я тихо усмехнулась.

– Ты пожалеешь о своих словах, когда здесь начнут появ-

латься мои вещи.

Эд помолчал недолго, а затем неожиданно произнёс то, от чего я выпала настолько, что не знала, как отреагировать. Легко и непринуждённо, словно в этом не было ничего такого.

– Могу выделить тебе полку.

Я застыла. Не думала, что пульс может подскочить ещё сильнее, и всё же...

Эта иллюзия на самом деле коварна. По одной простой причине – в неё тебе хочется верить. Верить в то, что в этот раз всё может быть по-другому. И я сама не заметила, как поддалась, забыла обо всём на свете и снова прыгнула в то же болото, в которое проваливалась десятки раз, ошибочно принимая его за цветущее озеро.

Как там было у Шекспира?

«У бурных чувств неистовый конец...»

Стоило помнить об этом. Стоило и дальше избегать их ради всеобщего блага.

Глава 8. Трещины

Неотвратимость конца. Лишь единожды подобная мысль поселяется в голове – и от неё уже невозможно избавиться. Незаметно она прорастает внутри, прилипает, цепляется, и её уже не вытравить. Видит бог, я пыталась. Боролась с ней, как могла. Притворялась, придумывала миллионы причин, почему всё на самом деле в порядке, но она никуда не исчезала. Она могла замаскироваться ненадолго, спрятаться за очередной ложью где-то в глубине сознания, но она всегда оставалась там. Без разрешения. Без пощады. Она со мной вне зависимости от того, нравится мне это или нет. Я просыпалась с ней, пила, ела, работала. С ней я держала Эда за руку, целовала его и ложилась в постель. С ней же я засыпала.

Три месяца. Прошло всего три месяца, а я не успела ничего понять. Сперва не успела понять, когда добрая часть моих вещей действительно перекочевала в его квартиру. Такое происходит понемногу, какими-то непримечательными мелочами. Сначала ты остаёшься так часто, что тебе объективно нужна своя зубная щётка, где зубная щётка, там, конечно же, и полотенца, и запасной комплект белья. Ну, и куда уж без носков, правда? Потом ты думаешь, что если придётся иногда ездить на работу, минуя собственное жилище, то имеет смысл оставить ещё несколько шмоток, потом решаешь, что тебе надоело пахнуть мужским парфюмом – и в

ванной выстраивается батарея из фруктов шампуней, кондиционеров, гелей для душа, масок, кремов... В конечном итоге, в один прекрасный день вы оба понимаете, что уже давно живёте вместе.

Мысль о конце появилась так же незаметно.

Я упустила момент, когда это началось. Когда эйфория прошла, и вместо веселья остались только работа, бесконечные игры в «Подземелья и драконов» по выходным и молчаливые вечера в постели, где каждый утыкается в свою книгу перед сном. Когда свет стал выключаться до полуночи – и баиньки. Знаю лишь, что постепенно, несмотря на присутствие Эда под боком, я раз за разом оставалась наедине сама с собой, а это, уж поверьте мне, худшая компания на свете. Я будто гнила заживо, но вместо червей тело пожирали все мысли, что до этого удавалось прятать поглубже, и чем дальше, тем больше мне начинало казаться, что я растворяюсь, блекну, превращаюсь в очень плохую пародию на саму себя. Выцветшая копия.

Я надеялась, что мне кажется, что я придумываю, что просто смотрю на всё через грязную призму, порождённую моим дурацким мозгом, что, если улыбаться достаточно долго, это ощущение пройдёт, но мысли становились только хуже.

Я лежала посреди ночи, не в силах сомкнуть глаз, и ненавидела то, как он шумно дышит во сне. Ненавидела его дурацкую коллекцию настольных игр и то, что он считал необходимым стирать кроссовки и гладить постельное бельё. Мы

выбирались куда-то поесть, и я ненавидела эти его вечные нарезанные ломтики овощей вместо закуски... Да возьми ты картошку фри! Докажи, что ты не робот! И почему обязательно нужно бежать мыть руки после чипсов? Почему нельзя просто облизать пальцы, как нормальный человек?!

— ... ну, и можете себе представить? Полгода прошло, а эта дура до сих пор задаёт вопросы чуть ли не школьного уровня! Бежит напрямик к старшему, намалёванными ресничками хлопает, улыбается невинно, почти на стол к нему ложится. И едва рот откроет, как из него обязательно вылетает очередная чушь. Серьёзно, зачем она вообще к нам переехалась? Парня себе найти? В голове один ветер! Эй, ребята, вы слушаете?

Настойчивый женский голос заставил оторвать глаза от доски для игры в «Скрэббл». Кажется, я отключилась ненадолго подо все эти рассказы, которым у Мэгги не было конца.

Со своей «той самой» подругой по колледжу Эд познакомил меня довольно давно, буквально на следующий день после нашей первой ночи вместе. Вернее, знакомство состоялось само собой. Розовощёкая низенькая девчонка с блестящими глазами и копной роскошных кудрей просто появилась на его пороге, когда я, отоспавшись вволю, преспокойно заваривала кофе и намазывала тосты маслом. Сюрприз для нас обеих. Оказалось, она жила неподалёку и частенько заглядывала в гости. Немая сцена в прихожей, где мы столкнулись, была достойна лучших комедий, хотя мой потрёпан-

ный вид, с торчащими спутанными волосами и рубашкой Эда на голое тело, смутил её всего на мгновение. В следующую секунду она уже вовсю хохотала и пихала его кулаками в бок, сокрушаясь, что он скрывал от неё такие новости. Я же веселилась, наблюдая за тем, как может, оказывается, покраснеть его лицо.

Вопреки всем ожиданиям, мы сблизились очень быстро, как-то совершенно естественно. Я не могла похвастаться умением заводить друзей, но, в отличие от флегматичного Эда, Мэгги была настоящим ураганом, стихией. Я восхищалась ею. Впервые я ловила себя на том, что сама стремлюсь подружиться с кем-то. Она успевала всё на свете и интересовалась всем, до чего могли дотянуться её неугомонные руки. Мэгги работала, учила французский, занималась волонтерством в собачьем приюте, постоянно находила какие-то новые технические курсы, в названиях которых фигурировали термины, о которых я никогда не слышала. Каждый год она отправлялась куда-то в горы, чтобы кататься на сноуборде, а в осенний сезон любила собрать палатки и рвануть в недельный поход в какую-нибудь глушь. Слово «саморазвитие» из её уст можно было услышать, даже если она не произносила его.

Для меня мир был пугающим местом, для Мэгги же он представлялся огромной песочницей с безграничным потенциалом. Каждый новый день – новая возможность, каждый новый человек – уникальный бесценный опыт.

Иногда я мечтала быть такой, как она.

Мэгги очаровала меня настолько, что я даже не поняла, откуда вдруг возникло это непреодолимое желание понравиться ей. Я не любила такое. Сколько себя помню – никогда не обладала навыком «нравиться людям». Знаю, что вы скажете. «Просто будь собой». Все постоянно говорят это, повторяют как мантру, непреложную истину. Худший совет из всех. Мы все притворяемся. Осознанно или нет. В большей или меньшей степени. Стараемся казаться лучше, чем есть на самом деле. Говорим другим то, что они хотят от нас услышать. Потому что люди не хотят знать правду. Правда им не по душе. Так что не стоит открывать ту дверь. Вам самим не понравится то, что вы найдёте за ней, если решите копать глубже в стремлении узнать, кто же вы такие в действительности. Это как дешёвый ремонт – там всегда всё гораздо печальнее, чем кажется издалека. И я делала то, что умела лучше всего: говорила поменьше, а улыбалась побольше. В конечном итоге, люди любят, когда их слушают. А Мэгги всегда было что рассказать.

В своей энергичности Мэгги отчасти напоминала мне Офелию. Кто знает, может, эти двое стали бы лучшими подругами, если бы у меня была возможность познакомить их, но с таким плотным графиком шансы выцепить обеих одновременно стремились к нулю. И всё же было кое-что, в чём эти девчонки кардинально отличались: если Офелии всегда было абсолютно плевать на других, то Мэгги окружающие

очень даже интересовали. У неё было миллион историй: про коллег, про бывших парней, про случайных людей на улице. В какой-то момент это стало походить на традицию – Мэгги брала бутылку белого вина, заваливалась на порог Эда, зная, что я, как обычно, буду там, отправляла того играть в приставку, а сама хватала меня под руку и тащила на кухню, чтобы поделиться впечатлениями. Без возможности сопротивления. Уже через месяц я знала о том, сколько непутёвых стажёров сменилось у неё на работе, в какой местной кофейне обитает самый хамский бариста, сколько вечеринок в неделю устраивают её соседи сверху и как трахались три её последних бойфренда.

Я не назвала бы себя большой любительницей сплетен, но мне нравилось непривычное чувство некой причастности к происходящему, сам факт того, что эта удивительная девушка хочет делиться со мной всем подряд. Вот и теперь она снова громко и в красках расписывала весь спектр своего негодования по отношению к нерадивым коллегам, а я совсем отвлеклась, увязнув в собственных мыслях. Как, впрочем, и Эд, который застрял в телефоне, вместо того чтобы обдумывать следующий ход.

– Не пробовала ввести в обиход физические наказания? Очень эффективная штука. – До ушей долетел лишь последний обрывок её долгой речи, и я неловко улыбнулась, выдав первое, что пришло на ум. Мэгги же рассмеялась в голос и толкнула меня в плечо.

– Ой, прекращай! Эти твои шуточки... Я не могу!

В очередной раз она почему-то решила, что я пошутила.

– Ау? Земля вызывает Эдди! Ты ещё с нами? – замахала она руками, стараясь привлечь внимание. Эд наконец оторвал глаза от экрана, огляделся, будто бы только проснулся. – Кто там тебе всё напisyвает в выходной?

– Да, похоже, покатушки намечаются, – ответил он, не глядя при этом ни на одну из нас. Нет, первое, что он сделал – взял мой стакан с газировкой и переставил его на подстаканник. Вообще-то я уловила намёк ещё с пятого раза, но в последнее время мне становилось любопытно, насколько хватит его занудства. Естественно, Мэгги его подчёркнуто медленного жеста не заметила и продолжала всё так же непринуждённо.

– О! Могу сбегать за великом!

– Не думаю, что ты захочешь присоединиться.

Он сказал это со странной неловкостью, а Мэгги моментально изменилась в лице, и я совершенно ничего не понимала в этом театре недомолвок.

– Не-ет... – страдальчески протянула она, скривившись и откинувшись на спинку дивана. – Только не говори, что приедет О’Брайан.

– Ага. Уже на полпути сюда.

Одно мне известно наверняка: если девушка называет парня по фамилии, да ещё и с таким выражением лица, словно вляпалась в кучу дерьма, – жди беды. Обычно, если рядом

называет драма, то я сваливаю первой, но в тот момент я готова была ухватиться за любую возможность переключиться на что-то другое.

– Кажется, я что-то упустила. Что за О’Брайан? И в чём прикол вообще?

Эд усмехнулся, глядя на недовольно пыхтящую Мэгги.

– Тайлер. Помнишь? Мы с ним играли по сети на той неделе. Я говорил тебе, что он раньше работал с нами в отделе, пока не загорелся идеей разработки игр. Мэгги и Тай даже встречались когда-то. Недолго, но впечатлений, похоже, кому-то хватило.

Мэгги фыркнула и закатила глаза.

– Ох, этот придурок хуже всех! Со своими извечными дебильными шуточками, не менее дебильными друзьями и полным отсутствием базовых манер! О! И эта его любовь к тем извращенским японским мультикам...

– Мультикам? – я изо всех сил старалась сдержать застрявший в горле смешок.

– Ну эти... с бандажом, насилием и щупальцами. – Мэгги передёрнуло, и от этого стало ещё забавнее. Она была абсолютно очаровательна в своём негодовании. – В общем, нет, спасибо. Приятно было посидеть с вами, ребята, но, я, пожалуй, пойду, пока не поздно. Займусь чем-нибудь полезным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.